

INSPIRIA

Тара Девитт

Всё СЛОЖНО

Лучше всех на тему любви шутит судьба

18+

INSPIRIA

Тара Деви́тт

Все сложно

Серия «Circake. Бестселлеры

Буктока. Тара Деви́тт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339672

Т. Деви́тт. Все сложно: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-199426-6

Аннотация

Она – начинающий стендапер. Он – профессиональный комик. Шутки кончились. Им нужно изображать влюбленных. Короче, все сложно. Идеально для любителей книжных TikTok-хитов Елены Армас и Тессы Бейли. Это захватывающая история о дружбе, любви и о том, что делает нас по-настоящему счастливыми.

Фарли – новичок в мире стендапа, но уже подает большие надежды. Она обожает свое дело, но не все так просто. Фарли по уши влюблена в собственного красавчика-менеджера Майера, который ни о чем не догадывается. Однажды звезды стендапа приглашают Фарли принять участие в большом гастрольном туре, но есть одно условие: чтобы привлечь внимание прессы, Фарли нужно найти фиктивного бойфренда, и Майер – идеальный вариант. Чем закончится эта авантюрная идея, которая очень

скоро начинает казаться Фарли и Майеру чем угодно, но только не шуткой?

Когда Тара Девитт прочитала все ромкомы, доступные на 2020 год, она решила написать свою книгу. Так поначалу бессвязные заметки превратились в роман, мимо которого не смогли пройти пользователи TikTok. Тара любит истории, в центре которых совершенно несовершенные персонажи. У ее героев могут быть сложные травмы, которые они преодолевают, чтобы обрести простое счастье. Тара уверена: смех – неотъемлемая часть идеального романа. А еще без него невозможно дружить, влюбляться, воспитывать детей и наслаждаться жизнью. Выверенный баланс юмора и романтики сделал книги Тары Девитт одними из самых популярных романтических историй года, и это – только начало.

Содержание

От автора	6
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	39
Глава 4	52
Глава 5	64
Глава 6	78
Глава 7	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Тара Девиtt

Все сложно

Tarah DeWitt
Funny Feelings

© Tarah DeWitt, 2023

© Николенко М., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Эта книга посвящается всем женщинам, которые когда-либо слышали в свой адрес, что их «слишком много». Может быть, они слишком шумные или слишком резкие, слишком открытые или слишком откровенные, говорят чересчур много грубостей или непристойностей, ведут себя странно или излишне эмоционально. Вечерами, наедине с собой, такие женщины вспоминают сказанное за день и думают: «А вдруг я и правда перегнула? Наверное, мне должно быть стыдно...» Им всем я говорю: «Вы, черт возьми, потрясающие! Обожаю таких, как вы! Не смейте глушить себя, чтобы стать более “сносными”. В вас столько сердца, столько огня!»

От автора

Для меня было очень важно написать эту историю. Отчасти она основана на моем личном опыте. Я имею в виду чувства, которые испытывала, когда работала над своей первой книгой и когда она вышла в свет, – чувства, которые возникают, когда пишешь для широкого круга читателей.

Создавая что-то, что другие будут оценивать, что-то, чем ты рассчитываешь развлечь людей и пробудить в них какие-то эмоции, ты понимаешь: угодить всем невозможно. Но желание вызвать отклик хотя бы у кого-то – совершенно незаменимое ощущение, и оно действует как наркотик. Благодаря ему я почувствовала себя самой собой – так, как никогда раньше. С другой стороны, я, как никогда раньше, начала сомневаться в собственных силах. В какие-то минуты меня охватывала бурная радость, но очень скоро я скатывалась в уныние, вызванное синдромом самозванца.

В такие периоды я пользовалась своим излюбленным средством поддержания душевного здоровья – старалась побольше смеяться. Когда мне грустно (я имею в виду именно грусть, а не депрессию), моя палочка-выручалочка – стендап. Я пичкаю себя смешным, позволяю себе погрузиться в чувства и признать их. Так я делаю то, что для меня полезно, – смеюсь. Не поймите меня неправильно: я контролирую свое психическое состояние и другими, менее веселыми способа-

ми, но стараюсь совмещать их со смехом. Скажу вам честно: когда мне тоскливо, я меньше всего на свете хочу составлять список всех тех благ, за которые я должна благодарить судьбу и внушать себе, что я не имею права чувствовать себя плохо. От этого становится только хуже. А вот смех, как я не раз убеждалась, – эффективное и здоровое средство саморегулирования.

Комики многому меня научили, помогли мне по-новому взглянуть на некоторые стороны моей жизни. Смешное далеко не всегда бывает легкомысленным.

Однажды мне в голову пришла мысль, глубоко меня тронувшая. Я поняла, как нелегко в этом мире тем комикам, которые живут среди нас, а не просто выступают перед нами на сцене. Им, пожалуй, приходится тяжелее всех. Поэтому никогда нельзя отталкивать того, кто хочет перед тобой раскрыться – в любом жанре, пусть даже в форме чего-то, созданного только для смеха.

Одна незнакомая женщина прислала мне в Инстаграм¹ сообщение: мол, мне должно быть стыдно писать такую дрянь, тем более если у меня две дочки (они наверняка вырастут такими же вульгарными, как я). Тогда-то я и придумала свою Фарли. Отложила тридцать тысяч слов другой книги и взялась за эту.

Мне захотелось написать о женщине, у которой «гряз-

¹ Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*Здесь и далее*).

ный» рот. Она часто бывает шумной, грубой, говорит со своей публикой о сексе, постоянно выставляет себя в самом невыгодном свете и даже зарабатывает этим. Ее шутки могут быть глупыми, но сама она умная, целеустремленная и глубоко чувствует.

Мне захотелось показать более мягкую сторону ее натуры.

Потому что даже у самых насмешливых и резких людей бывают больные места. Уж поверьте.

Еще мне захотелось написать о мужчине, который увидел мою героиню такой, какая она есть, и принял ее всю, без остатка. Ему и самому приходится бороться за свое душевное здоровье. Он постоянно копается в себе, что не мешает ему любить других.

Хотя мои герои – комики, я, в отличие от них, не способна написать ни одного стендап-номера. Здесь я меньше, чем в любой другой своей книге, пытаюсь рассмешить читателя, а те шутки, которые я использую, подсказаны комиками, которые помогали мне в непростые периоды. Конечно, я самостоятельно перерабатываю то, что позаимствовала, но не могу по крайней мере не поблагодарить тех, кто меня вдохновил.

Ну и самое главное: мои герои друг для друга – безопасная гавань, поэтому мы часто видим их чувствительную сторону. Не все в этой истории построено на юморе.

Что касается содержания книги, то я должна предупредить читателя о следующих моментах:

– в двух сюжетных линиях фигурирует смерть близкого

человека как событие, случившееся в прошлом;

- используются бранные выражения;
- присутствуют сексуально откровенные сцены;
- описывается «токсичное»/отстраненное родительское поведение.

Не претендуя на роль комика, я также не считаю себя знатоком человеческой психики. Я понимаю: мои периоды упадка – не настоящая клиническая депрессия, и я не пытаюсь давать советы тем, кто ею страдает, не предлагаю им решать свои проблемы с помощью стендап-программ «Нет-фликса». Я просто с благодарностью рассказываю о том средстве, которое лично мне очень помогло.

И наконец я хочу обратиться ко всем, кто решил потратить часть своего времени на создание чего-то для других людей. То, что вы делаете, важно. Даже если это дурацкие мемы и видеоролики, танцы, шутки или отзывы на книги. Может быть, вы не получите за это ни цента, зато чей-нибудь день станет чуточку ярче.

Глава 1

*«Тебе дана лишь маленькая искорка безумия.
Не потеряй ее».*

Робин Уильямс

Фарли

Шутка про диарею смыта в унитаз.

Она могла сработать, а могла не сработать – как и большинство комиков, я понимаю: это лотерея. Иногда тебе кажется, что успех гарантирован, а острота, вместо того чтобы взорвать зал, умирает медленной бесславной смертью. Самое подходящее музыкальное сопровождение для таких разочарований – звук, который раздается, если сесть на подушку-пердушку. А потом ты бросаешь какие-то фразочки просто как наполнитель, как подготовку к чему-то, что должно вызвать мощный отклик, но именно над этими фразочками люди и смеются. Я уже не раз проходила через подобное, и все равно неожиданная реакция публики заставляет меня малость притормозить, прежде чем идти вперед.

Сравнить результат непереносимости лактозы с работами Джексона Поллока – это, пожалуй, и правда чересчур. В ответ слышалось только несколько смущенных смешков. Кто-то негодуя вскинул голову, кто-то поморщился и

передернул плечами. Чтобы исправить положение, придется в очередной раз себя «опустить». Пусть зритель подумает: «Бедная девчонка! Как все печально! Но она об этом шутит, значит, можно смеяться. Смеяться *над ней*. За то и деньги заплачены». У меня припасена шутка, взятая, можно сказать, из моей собственной жизни. Публика такое обожает.

Дерьмовая (ха-ха) острота быстро забывается, и я опять дирижирую своим шедевром. Звучит симфония смеха, я подталкиваю и щекочу исполнителей. Стоя на одном конце сцены, я выжимаю, что могу, из своей странной грустной неловкости. Плету историю о восхитительно холодных мужчинах, с которыми якобы встречалась (на самом деле их не существует), и о своих несуразных сексуальных приключениях. Потом перемещаюсь походкой лемура на другой конец сцены, заставляя зрителей аккомпанировать мне смеховым легато.

Это прекрасные, чудесные, волнующие звуки. Они согревают меня и словно наполняют топливом. Я чувствую себя огоньком, которому наконец-то подкинули хвороста. Публика дует и машет на меня, помогая мне разгореться в полную силу.

При каждом крещендо я думаю: «Кажется, я их все-таки расшевелила! Я смешная!»

Зал щедро аплодирует, но потом затихает.

Бабах – и все.

Я сдуваюсь.

Каждый шаг к кулисам ощущается так, будто я спускаюсь с адреналиновой горы. Ужасно неприятное чувство.

Единственное, на что я могу опереться, чтобы не скатиться кубарем, единственное, что мне помогает, – лицо Майера. Вокруг него сплошная сумятица. Звуковики вытирают слезы. Ведущая сидит, согнувшись пополам и заплетя ноги чуть не в косичку – видимо, чтобы не описаться. И лишь Майер тверд и невозмутим, как всегда. Стоит, скрестив руки: ладони засунуты под мышки, видны только большие пальцы. Их-то он и приподнимает, приветствуя меня. По его меркам это бурное выражение восторга. Рот – как тире, брови нахмурены.

Вечно угрюмая физиономия Майера – мой страховочный трос или даже лассо, которое заставляет меня вернуться в реальность, вместо того чтобы до бесконечности копошиться в собственной голове, оценивать публику и мысленно подкармливать ее, формулировать новые остроумные реплики. Майер для меня не скала, он гамак в тени, в котором так приятно отдохнуть летним днем. Правда, сам он вряд ли об этом догадывается.

А еще он мой менеджер. Менеджер, случайно ставший лучшим другом. Познакомились мы три года назад. Хотя вообще-то я знаю его немного дольше. Он уже давно играет в моей жизни важную роль, только, похоже, опять-таки не осознает, насколько важную. Понятия не имею, что творится у него в голове и отвечает ли он на мою симпатию. Да и

какая, собственно, разница?

Ему нравится делать вид, будто я его ужасно раздражаю, но, когда он смотрит на меня, уголки его губ иногда чуть приподнимаются. Так бывает каждый раз, когда я рассказываю историю про парня из колледжа. Того, с которым мне пришлось задрать колени до ушей, отчего я почувствовала себя свернутым спальным мешком (рассказ об этом сопровождается энергичной пантомимой). Примерно минуту продолжались унылые толчки, а потом молодой человек проорал мне на ухо: «Хочу, чтобы ты испытала оргазм!» «Ладно...» – ответила я, к собственному ужасу, и подняла большой палец. В результате я почувствовала нечто противоположное оргазму, к тому же мне пришлось молиться, чтобы не пукнуть прямо в моего кавалера. После такого конфуза это была бы уже не моя, а его смешная история.

Случаи, когда мне удавалось заставить Майера по-настоящему улыбнуться, можно сосчитать по пальцам. Зато от его улыбки у меня земля уходила из-под ног. Открытые зубы, ямочки на щеках, лучики возле глаз – я буквально ахнула, когда увидела все это впервые, и Майер тут же придал своей физиономии обычное выражение. Улыбку как будто пылесосом затянуло. Тот день стал памятной датой в моем календаре.

Особенное достижение – если тебе удастся рассмешить другого комика. Тем более комика такого классного, как Майер в свое время. Наверное, он и сейчас мог бы зажигать,

если бы хотел. Раньше он был очень популярен. Его показывали по телику в передаче о восходящих звездах стендапа. Он выступал на разогреве у суперзнаменитостей. Его номера были глубокими по смыслу, а говорил он почти монотонно; казалось, он рассказывает о каких-то ничего не значащих пустяках и даже сам скучает. Тем неожиданнее звучали потрясающие шутки. Они попадали в цель сразу же, но потом вспоминались зрителю снова и снова и от этого становились еще смешнее. Майеру не нужно было гримасничать или жестикулировать, он почти не использовал бранных слов, зато, когда использовал, они производили мощный эффект. Все кусочки, из которых состоял номер, соединялись без швов, образуя единую сквозную историю.

Если задуматься, то мы с Майером полные противоположности друг другу.

– Я предупреждал тебя, что та шутка дерьмовая, – говорит он, посмеиваясь ледяными голубыми глазами.

– Сейчас была шутка о шутке? – парирую я, выключив микрофон и наушник.

Вместо ответа Майер закатывает глаза. Мы идем рядом.

– Где Хейзл? – спрашиваю я, высматривая его дочку.

– Марисса ее забрала. Ей задали эссе, а она его все никак не напишет.

– Эссе? В десять лет? Ты в какую школу засунул бедного ребенка?

Майер устало вздохнул и опять закатил глаза.

– Это самая хорошая школа для глухонемых, какая только есть. Очень дорогая, кстати. Я хотел бы, чтобы она и впредь была мне по карману, поэтому, пожалуйста, не надо больше фекальных острот.

– То есть если я не перестану «начинять свои номера зловонными потрохами», девчонка опять сможет веселиться вместе с нами, сколько захочет? – говорю я, цитируя одного газетчика, которому очень не понравилось мое выступление. – Ясно. Значит, надо продолжать в том же духе. И вообще, Майер, сколько можно тебе объяснять: у горячих девчонок бывают проблемы с животом.

Проигнорировав последнее замечание, мой менеджер отвечает:

– Пожалуй, мне не стоит водить дочь на шоу, где ты так рассказываешь про свои секс-игрушки, что канал Кью-ви-си мог бы показывать тебя в «Магазине на диване».

– Я смотрю на это как на социальную рекламу. Стараюсь, чтобы мое выступление было познавательным.

– Из-за тебя, Джонси, я дважды получил предупреждение от службы защиты детей.

– Спокойно! – Я умиротворяюще поднимаю руки. – Ты же объяснил этим людям, что ребенок все равно меня не слышит.

– Если помнишь, от моих объяснений стало только хуже. Я невольно начинаю смеяться, когда вспоминаю о том, с каким удовольствием Хейзл смотрит мои выступления. Хо-

тя она не слышит звуков, ей нравится, когда вокруг все хочется. Наверное, именно поэтому я и влюбилась в нее. Она чувствует эту атмосферу и балдеет, совсем как я.

Что у отца из-за ее увлечения могут быть проблемы – об этом девчонка совсем не думает. А отец, между прочим, не пасует перед трудностями. Потому-то, вероятно, я немножко и влюблена в него.

– Мои неприятности кажутся тебе забавными? – усмехается он, вздернув бровь.

– Нет, но если разобраться... – говорю я и пожимаю плечами.

Лицо Майера становится серьезным. Мы оба отлично знаем опасности нашей профессии. Бывает материал, с которым шутки плохи. Я всегда стараюсь затрагивать социальные вопросы, но не за счет чьих-то человеческих чувств. Уж лучше сыпать туалетными остротами и выставлять на посмеище саму себя, чем говорить остроактуальные гадости, оскорбляя других людей.

Пожалуй, моя карьера идет в гору, но я еще далеко не такая звезда, чтобы не интересоваться тем, что пишут обо мне в интернете. На этой неделе мой синдром самозванца обострился благодаря следующему отзыву: «Пожалуй, она может быть слегка сексуальной, когда говорит по-человечески, – плевать. Терпеть не могу эту отвратительную женщину! Она жалуется на наглость мужчин, но если по ее вульгарной болтовне можно о чем-то судить, то я готов поспорить на любую

сумму: счет тел у нее выше, чем ай-кью. Кошмарная потаскуха! Если бы она не отплясывала и не вопила, как бесноватая, то в ее выступлениях не было бы совершенно ничего смешного».

Отвечу сразу, не дожидаясь вашего вопроса: автора этого отзыва зовут Чед, он из породы «бро» и «чуваков». Его профиль – это целая галерея фотографий, на которых он запечатлен в скрывающих лысину бейсболках и с банкой «Монстр энерджи» в руке (представлены все возможные вкусы). Солнечные очки «Оукли» в белой оправе надеты на затылок. Кто бы сомневался.

Посмотрела ли я в интернете, что теперь – благодаря Чеду – означает словосочетание «счет тел»? А то как же! Я-то думала, это нечто вроде индекса массы тела... Увы, ребята, это совсем другое.

Потом я подумала о том, спрашивал ли меня кто-нибудь когда-нибудь об этом моем «счете» (то есть о количестве моих «жертв»), и если да, то что я ответила. Майер такого случая не припомнил, а он обычно все припоминает, когда дело касается меня.

Я смотрю на него сбоку и думаю: где он находит время для похода в спортзал? Судя по очертаниям его тела, где-то находит. Или использует, как герои комиксов, «сыворотку суперсолдата». При этом за последнее время он довольно сильно поседел. Когда мы познакомились, белые волосы были у него только на висках, а теперь по всей голове, да и

щетина стала как соль с перцем. Ему тридцать пять (то есть на десять лет больше, чем мне), но выглядеть на свой возраст он стал совсем недавно. Уж не из-за меня ли? Не из-за той ли жизни, в которую я его втянула? Майер – отец-одиночка глухонемой девочки и менеджер-одиночка единственной клиентки, которая, при всем своем очаровании, ужасно утомляет и с которой надо везде разъезжать. Да уж, посидишь тут...

Как только эта мысль приходит мне в голову, я без дальнейших раздумий спрашиваю:

– Ты жалеешь о том, что взял меня?

Майер останавливается и быстро поворачивает ко мне голову, озадаченно выпятив губу. Это непохоже на его перманентную невозмутимость. Мне тут же захотелось взять свои слова обратно, однако замолчать я уже не могла.

– Если жалеешь, то дело дрянь. Ты подписан на кучу каналов и знаешь все мои пароли – я без тебя не смогу... Эй, Боб! – Я увидела своего любимого охранника и устремляюсь к нему. – Хорошо выглядишь, старик. Дай-ка потрогать бицепсы... Ого! Еще немного, и ты достигнешь предела физического совершенства. Тогда, если какая-нибудь женщина тебя отфутболит, это можно будет объяснить только твоими человеческими качествами.

– Вообще-то ты уже не на сцене. Не заметила? – усмехается Боб. – К тому же я просто-напросто стараюсь не отставать от твоего менеджера.

Прежде чем я успеваю съязвить и втянуться в привычную перепалку, Майер хватает меня за локоть. Я вздрагиваю. Мы много времени проводим вместе, но я стараюсь, чтобы таких обыденных соприкосновений между нами было как можно меньше. Два раза за вечер – это, пожалуй, рекорд.

– Фарли, – говорит он, и я поворачиваю голову в ту сторону, куда он смотрит.

Святые яйца! Здесь Кара Ву!

Она видела мое выступление.

Видела, как я зажгла.

Она улыбается. Популярнейшая юмористка, которую я обожаю, автор множества потрясающих номеров, ведущая шоу «Субботний вечер в прямом эфире» сидит здесь и улыбается мне.

Или не мне? Я не из тех девочек, которые с рождения считают себя неотразимыми. Я вечно в себе сомневаюсь. Вот и сейчас я оглядываюсь: кому могла быть адресована улыбка звезды? Потом закрываю на секунду глаза, делаю вдох и выдох через нос, собираюсь с силами и несмело приподнимаю уголки губ, вновь повернувшись лицом к столику, за которым сидит Кара Ву.

Вернее, сидела. Сейчас она стоит прямо передо мной. Я поднимаю глаза на Майера, чтобы убедиться, что у меня не галлюцинация. Он улыбается сжатыми губами, во взгляде – легкая насмешливость.

А Кара Ву по-прежнему стоит и ждет, когда я выйду из

ступора. Боковым зрением я смутно вижу Боба: беззвучно смеясь, он достает телефон, чтобы нас сфотографировать.

– Фарли? – наконец произносит моя любимая юмористка.

– Кара Ву! – взвизгиваю я, и это звучит как обвинение.

Она смеется.

– Можно просто Кара. О**енное выступление! Поздравляю.

Вот это да! Несмотря на то что у нее есть дети, она, похоже, не привыкла стесняться в выражениях не только на сцене, но и в жизни. Прямая, открытая, от природы веселая. Вот бы мне стать ее подругой! Я бы везде за ней ездила, резала бы виноградины для ее отпрысков, висела с ней на телефоне... Я бы... Не знаю, что бы я еще делала. При мысли о телефонных разговорах у меня в мозгах произошло короткое замыкание.

Майер видит, что я еще не перезагрузилась, и приходит мне на помощь.

– Мы с вами уже знакомы. Правда, дело было давно, – говорит он, подавая Каре руку.

– О, я прекрасно вас помню! Мы как-то раз пересекались во время моего турне с Маршаллом. У вас запоминающаяся внешность. – При этих словах она бросает на него взгляд сквозь ресницы и многозначительно улыбается.

Я согласна с Карой. Внешность у моего менеджера что надо. Он высокий, мускулистый, с эффектной проседью в темных волосах и бородке. Соседский мальчишка превратил-

ся в шикарного мужчину... Не слишком ли долго Кара держит его руку в своей? Собственнический инстинкт заставляет меня встряхнуться, и я тут же сую ей свою лапу.

– Спасибо! Я прямо поверить не могу, что вы здесь.

– А вы поверьте. Я давно за вами наблюдаю и сегодня пришла не случайно, – говорит Кара и машет какому-то мужчине, чтобы тот подошел. – Это Клэй, мой менеджер. Клэй, Майер – ребята, вам есть о чем поговорить, а мы пока поболтаем с Фарли.

О господи! Это действительно происходит? Это действительно происходит!

Мы отходим чуть в сторону, и Кара, повернувшись ко мне, начинает:

– Не буду ходить вокруг да около. Мы хотим, чтобы ты работала у нас на разогреве во время ближайшего тура.

Только не рыдай от счастья, Фи. Не сейчас!

– На разогреве. У вас и...

– У меня и у Шоны Купер. Вы нам нравитесь. У нас есть и другие варианты, но вы – номер один. Только сначала я хотела бы кое-что обсудить.

От прилива стальной решимости у меня начинает стучать в висках. Я *должна* получить это место!

– Что мне нужно будет сделать?

– Да в общем-то ничего. Ваши номера говорят сами за себя. Вы первая в нашем списке, потому что мы хотим, чтобы юмор на нашем шоу был острым с самого начала. Не для

протокола: вы дополните нас именно так, как надо, – в том числе в отношении возраста и национальности. К тому же мы не боимся грязи. Вы внесете в шоу пикантность, моя тема – материнство, а Шона занимается социально-политическими вопросами. Вместе мы создадим чисто женскую юмористическую программу. До сих пор в нашем секторе индустрии развлечений заправляли мужчины. По-моему, пора с этим покончить. Но придется выложиться по полной. Прежде чем мы поедем по стране, нам нужен громкий старт, который привлечет внимание СМИ. Нужен хороший пиар. Потому-то я и решила с вами поговорить.

– О'кей. Я согласна. Руками и ногами за.

Идея приводит меня в восторг. Действительно, на «Нетфликсе» сейчас такое количество юмористических шоу, где женщины соревнуются с мужчинами... Меня прямо-таки трясет от воодушевления.

– Все это означает, что вам, вероятно, придется давать интервью и что люди начнут интересоваться вашей личной жизнью. Зритель лучше принимает женщин-комиков, если ему кажется, что он знает или догадывается, у какой шутки откуда ноги растут.

Так... Вот от этого я уже не в восторге.

– Гордиться тут, конечно, нечем, – продолжает Кара, – но если для пользы дела нужно в каком-то смысле выставить себя напоказ, то я не считаю это ниже своего достоинства.

– Ясно... – произношу я, не скрывая некоторой насторо-

женности.

– Это хорошо. Потому что мы подумали... Вернее, я подумала...

– Да?

– Вы молодая, симпатичная. Ничто так не интересует публику, как чужие любовные приключения.

Начиная понимать, к чему Кара клонит, я в панике застываю. Язык деревенеет. Я вымучиваю улыбку и заставляю себя усмехнуться.

– Если честно, эту часть своей реальной жизни я предпочитаю не афишировать, – говорю я.

То, о чем я рассказываю со сцены, никакого отношения ко мне не имеет.

– Понимаю. Но и вы поймите: даже если мы не будем искусственно подогревать интерес к вам заранее, он все равно разгорится, когда вы начнете с нами выступать. Я еще два месяца буду вести «Субботний вечер в прямом эфире», а у Шоны скоро выходит фильм, и, пока не начнется наше турне, ее будут фотографировать на каждой игре Тайсона.

Тайсон Каллахан – парень Шоны Купер, он звезда какого-то там спорта. Я несколько лет смотрю выступления Шоны, учусь у нее. Но как бы я ее ни ценила, даже мне понятно: с кем она встречается – это важно. То, что публике показывают ее личную жизнь, привлекает к ней еще больше зрителей.

– Мои любовные приключения... Честно говоря, их не су-

ществует, – признаюсь я.

Коротко усмехнувшись, Кара заглаживает неловкость:

– Ой, поверьте, я догадываюсь. Вы, безусловно, привлекательны, просто я понимаю, что начинающим комикам не до этого. – Она дружелюбно улыбается и, шумно выдохнув, продолжает: – Может, вы согласитесь хотя бы сфотографироваться с каким-нибудь медийным красавчиком? Дать почву для сплетен?

– О господи! Так значит, знаменитости и правда так делают? Имитируют романтические отношения, чтобы привлечь внимание...

Кара смотрит на меня, вздернув бровь. Упс! Кажется, ей не понравилось неодобрение, которое она уловила в моем тоне.

– Делают. Люди, как правило, готовы на многое, если хотят достичь поставленной цели.

В точку.

Мы с Майером, стоя в разных концах зала, пересекаемся взглядами, и я мысленно возвращаюсь на два месяца назад, когда мы разбирали материал для номера, с которым я выступаю сейчас. Мы тогда засиделись до глубокой ночи. Он помог мне с шуткой про «Тиндер» и про то, что стендаперы не ходят на свидания.

– Ну а если серьезно? Почему так? Как ты думаешь, Майер? Почему мужчины всегда испаряются, когда узнают, что

я занимаюсь стендапом? – спросила я.

Хейл тихо посапывала, положив голову мне на колени.

– Не знаю. Наверное, я скажу банальность, но возможно, мужчины, особенно если они сами претендуют на чувство юмора, побаиваются женщин, их переизголявших. Может быть, не хотят стать материалом для номера.

– Ну надо же, как интересно! Женщины, когда имеют дело с мужчинами, боятся угнетения, побоев, изнасилования, убийства, а мужчины боятся, что у женщины лучше чувство юмора. Действительно. Вдруг какая-нибудь девчонка подкараулит тебя в темном переулке и заставит хохотать до вывиха живота!

– Можешь включить это в свое выступление. Получится неплохая концовка.

На лице Майера зажглась мегаваттная улыбка, от которой морщинки возле глаз стали глубже. И скобочки около рта. Я их раньше не замечала. Он усмехнулся.

– О боже! – ахнула я, не успев себя сдержать.

Майер перестал улыбаться, но взгляда не отвел. Зубы сжались, на щеке дрогнул мускул.

– Если кому-то кажется, что твое чувство юмора или твоя карьера мешает вашим отношениям, значит, он жалкий тип и тебя недостойн, Фи.

Голос Кары заставляет меня вернуться в настоящее.

– Так вы сказали, у вас есть какая-то идея? – спрашиваю я.

Она смотрит на своего менеджера, беседующего с Майе-ром, и машет им.

– Да!

Глава 2

«Прежде чем судить человека, пройди мило в его туфлях. Ну а потом... Кому какое дело? Он далеко, его туфли у тебя...»

Билли Коннолли

Тридцать восемь месяцев назад

Майер

Мне не раз доводилось стоять одному на сцене перед тысячей зрителей, потеть под ослепляющими софитами и болтать о политике, гениталиях и «ее матери», но, по-моему, так сильно, как сейчас, я еще никогда не волновался.

Вытерев ладони о джинсы, я оглядываю лица семилетних девочек, которые сидят за столом и неотрывно смотрят на меня. Это первый праздник, который я устраиваю для Хейзл, и пока я, очевидно, не на высоте.

– Пойду-ка позвоню насчет пиццы, – говорю я одновременно жестами и голосом, потому что одна из девочек, Олив, не глухонемая.

Ланс с сочувствием глядит на меня из-за барной стойки.

– Знаю, знаю, – отмахиваюсь я. – Приходится импровизировать.

– Раньше это у тебя выходило веселей, – усмехается Ланс. Я делаю сердитое лицо, а он продолжает: – Оставайтесь,

сколько понадобится, все равно вы вряд ли вы продержитесь дольше пятнадцати минут. Открытый микрофон начнется в восемь.

– Твои критические замечания напоминают мне старые добрые времена, – вздыхаю я. – Еще раз спасибо. Кто же знал, что нужно было придумывать план Б на случай, если в августе зарядит дождь.

Дочка хотела в свой день рождения сходить в аквапарк с одноклассниками. Только и всего.

В школе она новенькая, а школа, кстати сказать, отличная. Там есть глухонемые ребята, а есть дети, которые говорят на разных языках и умеют объясняться жестами.

Хейзл очень радовалась, что теперь у нее достаточно друзей, чтобы устроить для них праздник, и я старался организовать все наилучшим образом. Заранее поговорил с мамами, убедил их, что они могут спокойно доверить мне своих девочек на несколько часов. Забронировал кабину у бассейна, заказал пиццу, торт, мороженое. Хейзл захотела сделать гостям подарки, после того как побывала на дне рождения одной местной девочки – знаю, знаю, сам виноват. Это же Лос-Анджелес, следовало ожидать! Итак, мы долго лазали по сайту *Pinterest* (путешествие, похожее на горячечный сон), после чего приготовили для каждой из приглашенных мешочек, куда положили крем для загара, солнечные очки, заколку с русалочкой и кучу всяких вкусностей «в тему»: лакричные палочки в форме «макаронин» для бассейна, мармелад-

ную акулу в стаканчике с домашним голубым желе, чипсы из водорослей... В двадцать с небольшим, покуривая травку за кулисами шоу Дейва Шаппелла, я бы не поверил, что буду декорировать печенье «Натер-Баттер» растопленным шоколадом, чтобы получилось похоже на вьетнамки. А вот, пожалуйста. Дожил.

И в общем-то не жалею.

Ну а потом Лос-Анджелес накрыла буря, которая не унималась три дня подряд. Когда Хейзл проснулась и выглянула в окно, ее мордашка разочарованно вытянулась. Это резануло меня, как ножом по сердцу. Я сразу же начал действовать: обзвонил боулинги и клубы мини-гольфа, но без толку. Именно сегодня был тот единственный день в году, когда все оказалось занято. При нашем доме есть зал для мероприятий, но даже его кто-то уже забронировал.

В порыве отчаяния я предложил Диснейленд. Хейзл поморщилась.

– *В субботу там слишком много очередей,* – жестами сказала она. – *И я знаю, папа, что ты ненавидишь Диснейленд.*

– *Во-первых, я его не ненавижу, а во-вторых – сегодня твой день!* – прожестикнул я, постаравшись придать своему лицу как можно более бодрое выражение.

– *Я просто хотела поплавать и покататься с горок вместе с девочками. Мы всю неделю об этом говорили.*

– *Не беспокойся, именинница. Мы устроим тебе суперский праздник. Поехали за твоими подружками.*

Я впадаю в какое-то странное чувство, напоминающее мандраж перед выходом на сцену. Что делать? Понятия не имею!

Я позвонил Лансу – владельцу клуба, где я выступал в самом начале своей карьеры, – и он разрешил нам прийти. Доставка пиццы и капкейков я уже заказал, но как быть с развлечениями?

– Ланс, я в панике, выручай! – умоляю я.

Он хлопает глазами.

– Майер, я соображаю только в стендапе, музыке и напитках. Почему бы тебе самому не выступить перед девчонками?

– Да с чем же я перед ними выступлю, старик?

После рождения Хейзл я писал только сценарии для телевидения. Тот материал, с которым я когда-то выходил на сцену как комик, не рассчитан на семилетних детей и не адаптирован для глухонемых. Моей сегодняшней аудитории нужно, чтобы шутки не столько звучали, сколько выглядели смешно.

А ведь в обычном стендапе так много зависит от интонации! Посредственную остроту можно вытянуть, если правильно ее произнести. Человек, который не слышит, не сможет оценить голосовых нюансов. Чтобы не проигрывать при переводе на язык жестов, шутка должна быть идеальной! И я уж не говорю о том, что в последнее время я писал в основ-

ном о жизни одинокого родителя – маленьких девочек таким не рассмешишь.

Почувствовав легкое прикосновение к плечу, я поворачиваюсь на барном стуле и вижу Хейзл.

– *Папа, можно мы откроем подарочные мешочки и съедем сладости? Или надо подождать до после пиццы?* – спрашивает она.

– *Открывайте, солнышко. А пицца уже едет.*

Хейзл улыбается и кивает. Держится молодцом, как всегда. И все-таки я вижу, что она разочарована, и с досады произношу то слово, которого обычно не говорю при детях. Особенно если они слышат. Голова Олив тут же поворачивается ко мне. Черт!

– Извини, Олив.

– Ничего. Я не скажу маме, – обещает девочка.

Дверь распаивается, впуская в клуб шум проливного дождя и резкий дневной свет. На контражуре вырисовывается чья-то фигура.

– Ну кто там еще?! Я же вроде все запер! – рычит Ланс. – Джонс! Нет! В миллионный раз тебе говорю!

Фигура – предположительно, Джонс – захлопывает за собой дверь, выпрямляется и топает к нам.

– Ланс! Верни мне работу или хотя бы дай выступить сегодня, старый ты...

– Эй, поосторожней с выражениями, у меня тут дети, –

инстинктивно говорю я девушке, то есть женщине.

С ее волос, прилипших к голове, текут ручьи. Кажется, эта особа несколько часов простояла под дождем без зонта.

– Дети? В баре? Среди дня? Если так, то уместно сказанное крепкое словцо – это, пожалуй, еще не самое большое огорчение, которое их ждет, – морщится девушка и поворачивается к Лансу. – Послушай, я ведь извинилась. А вообще я не просто так встала к микрофону: клиенты начали уходить, потому что здесь можно было подохнуть со скуки. Ты мог бы мне и спасибо сказать, я заработала для тебя неплохие деньги.

– Твое место в баре, Фарли, а ты его бросила.

– Во-первых, я бы не бросила, если бы ты дал мне возможность выступать нормально, а не только в «Открытом микрофоне». Я тебя уже сто лет об этом прошу. Во-вторых, люди чуть не лопались со смеху. Гоготали так, что на улице слышно было. Сидячих мест не осталось, многие стояли. Просто заходили, слушали и хохотали. Даже без выпивки. Ланс, дай мне сегодня еще раз выступить!

Девушка бросает в мою сторону взгляд, означающий: «Чего уставился?» – и поворачивается к Лансу, а потом, хлестнув себя по подбородку собственными мокрыми волосами, – опять ко мне. Смотрит на меня и моргает.

– Черт. Я вас знаю.

– Неужели?

– Вы Майер Хэриган.

Она поднимает темные брови и округляет янтарные глаза. Я озадаченно мотаю головой.

– Откуда вам это известно?

Девушка слишком молода, чтобы быть моей зрительницей.

– Я видела вас. Пару раз. Вернее, живьем, конечно, ни разу, зато все ваши выступления, которые есть на «Ютьюбе», я засмотрела до дыр.

Не зная, что на это сказать, я издаю только удовлетворенное «хм».

– Я правда заслужила место в сегодняшней программе. Помогите уломать Ланса, – напористо произносит девушка, подавшись ко мне.

Такое впечатление, будто прямо перед моим носом машет крылышками какая-то птичка вроде колибри, да так быстро, что все сливается. Острый клювик вот-вот ткнется мне в лицо. Возникает сильное желание прихлопнуть это бесцеремонное существо.

Девушка оглядывает меня с ног до головы и, посмотрев на детей, заявляет:

– На алкоголика или бродягу вы не похожи.

– Рад это слышать. Но сами вы, по-моему, крепко подсели на... на что-то.

Она встряхивает головой и закатывает глаза.

– Если вы не спились и не превратились в асоциального типа, то почему устраиваете детский день рождения в баре?

Видимо, девушка заметила праздничные колпачки, которые я купил по дороге сюда.

– Это не просто бар, а стендап-клуб, – возражаю я.

Девушка лукаво улыбается.

– Тогда непонятно, почему этот парень, – она указывает большим пальцем на Ланса, – выносит мне мозг из-за того, что я на несколько минут отошла от напитков, чтобы выступить с юмористическим номером.

Я фыркаю. Ловкий ход!

Ланс краснеет и что-то бормочет над своими учетными листами. Краем глаза я вижу, как промокшая девушка направляется к столу, за которым сидит Хейзл с подружками.

– Ребята, могли бы хотя бы музыку им включить!

– Погодите... – Черт! Как там ее зовут? – Джонс! Не надо...

Она притормаживает, подойдя к столику и заметив у Дейзи слуховой аппарат. А в следующую секунду у меня от удивления отвисает челюсть.

– Как поживаете, девчонки? – спрашивает эта Джонс одновременно голосом и жестами.

Приунывшие девочки сразу немного оживляются.

– У кого сегодня день рождения? – продолжает Джонс, безошибочно жестикулируя.

Хейзл поднимает руку.

– А сколько лет тебе исполнилось?

– Семь.

– Семь?! Так чего же вы все здесь сидите, вместо того чтобы веселиться? Скорее прыгать по лужам! Семь лет – семь прыжков!

– *Папа не разрешит*, – смеется Хейзл.

Джонс оборачивается и делает вид, будто ищет меня. Потом поднимает руки, улыбается и жестами отвечает:

– *Что-то не слышу, чтобы он жаловался. А вы?*

Все четверо хохочут. С ума сойти! Человек провел с глухонемыми детьми всего минуту и уже не боится шутить с ними об их глухоте!

Само собой, мы все выходим через заднюю дверь в переулок и прыгаем по гигантским лужам, пока дождь поливает нас сверху. К счастью, скоро привозят горячую пищу, и мы возвращаемся.

– *Не хуже, чем аквапарк!* – говорит Хейзл, радостно улыбаясь.

Ей было всего несколько недель, когда она впервые простудилась. Неудивительно, что это ее чертовски разозлило. Бедняжка все время кричала и лила огромные горячие слезы, от чего ей становилось еще труднее дышать. Я был в ужасе и совершенно не знал, что делать. Решил поступить так, как поступил бы на моем месте любой здравомыслящий двадцатишестилетний мужчина, – позвонил маме.

– Мама, я не справлюсь.

– Справишься, Майер. Держи ее в вертикальном положении, давай побольше пить и... Ванночку пробовал? Если пу-

повина зажила, то уже можно купать.

В лежачем положении Хейзл быстро начинала плакать. Я даже переодеть ее спокойно не успевал. Тем более что мои неловкие руки дрожали, и процесс затягивался. Простая смена подгузника превращалась в целую драму.

Я отправился в магазин вместе с Хейзл, которая без умолку кричала по дороге в магазин, в самом магазине и на обратном пути из магазина. Но как только я усадил ее в купленную ванночку, на специальное пружинящее сиденье, ее глазки широко раскрылись, а ротик, наоборот, закрылся. Малышка икнула и начала плескаться. Наконец-то она была довольна!

Моя Хейзл всегда чувствовала себя в воде как рыбка.

– Кажется, Ланс назвал вас Фарли? – спрашиваю я у Джонс, пока девочки усаживаются за стол.

– Да, так меня зовут.

– Вы потомок какой-нибудь династии комиков?

Она невесело смеется.

– Нет, единственная семья, которая у меня была, все это ненавидит, – Джонс описывает пальцем круг, указывая на стены клуба.

Повернувшись на каблуках, она идет к девочкам и без ненужной театральности начинает номер, как будто специально для них придуманный. Микрофон ей ни к чему (с глухонемыми он все равно бы не помог), сцена тоже. Все выглядит как обычная болтовня за пиццей, но дети постоянно

хихикают. Мы с Лансом превращаемся в мишень для бесконечных острот. Вдруг Фарли вскакивает, исчезает на пару секунд, а потом возвращается, что-то протягивает Хейзл и говорит:

– *Это тату. Теперь ты всем можешь хвастаться, что сделала себе на день рождения татуировку.*

– Никаких татуировок! – кричу я, чувствуя, как мои брови съезжаются.

Хейзл стоит ко мне спиной и не видит моего протеста, а Фарли вместо ответа только оборачивается и улыбается. Даже издалека заметно, как блестят ее глаза.

А волосы у нее, оказывается, с отчетливой рыжинкой. Теперь они немного подсохли, и это стало видно.

Она ведет Хейзл к раковине и приклеивает ей на тыльную сторону руки временную татуировку, а я стою и смотрю, пытаясь уговорить странные чувства, которые копошатся у меня в груди.

Хейзл подбегает к своим подружкам и показывает им подарок. Я вижу ее, сияющую, с гордо поднятой ручкой, и ощущаю в горле тяжелый комок. Моя дочь чувствует себя красавицей. Поскольку она разговаривает именно при помощи рук, такое нехитрое украшение радует ее еще больше, чем порадовало бы обычного ребенка. Даже немного досадно, что я сам не додумался.

Фарли достает из-за барной стойки миску с вишней. Ягоды одна за другой отправляются к ней в рот.

– Похоже, праздник удался.

– Спасибо, – говорю я и, откашлявшись, продолжаю: – Вы его спасли. Я... хм... обязательно поговорю с Лансом, чтобы он дал вам сегодня микрофон.

Фарли хмурится и ставит миску на стол.

– Я не ради этого веселила девочек.

– Знаю. Просто мне действительно интересно посмотреть, как вы выступаете. Я приду.

В первую секунду Фарли смотрит на меня с подозрением, но, дожевав очередную вишенку, расплывается в широкой улыбке и протягивает мне руку.

– У меня такое смешанное чувство, как будто сейчас начинается что-то очень классное.

Глава 3

«Я всегда хотела чего-то добиться, но теперь понимаю, что задачу надо было ставить конкретнее».

Лили Томлин

Сейчас

Фарли

– Одно пиво, – в панике говорю я официанту.

– Пиво? Джонс, ты же никогда его не пьешь! – раздраженно вмешивается Майер.

Я так измотана, что названия всех остальных напитков наконец вылетели у меня из головы.

– Мисс, какое пиво вы желаете? – терпеливо спрашивает официант.

– Алкогольное, пожалуйста.

– Боже! Извините ее. Она будет пить любой коктейль с сиропом и лимоном, какой у вас тут подают, – говорит Майер.

Официант, кивнув, торопливо исчезает. Я морщусь под пристальным взглядом своего менеджера.

– Может, ты все-таки объяснишь мне, что с тобой сегодня не так? Когда ты в последний раз пробовала мое пиво, ты сравнила его с выделениями из пупка, – говорит он, и в его голосе слышится слабо завуалированное беспокойство.

– Ладно, – вздыхаю я. – Наверное, я действительно должна предупредить тебя до того, как придут Кара и Клэй. – Я делаю несколько вдохов и замечаю официанта с нашими напитками. – О, как раз вовремя. Секундочку.

Сразу же опрокинув свой бокал, я тянусь за пивом Майера. Он бережно останавливает мою руку и опускает ее на стол.

– Джонс, я не знаю, что ты собираешься мне сказать, но в любом случае все в порядке. Если они требуют, чтобы ты... от меня ушла... или что-то в этом роде... и ты хочешь принять их предложение, ты не должна из-за этого переживать. Какое бы решение ты ни приняла, я тебя поддержу. Обещаю, – говорит мне Майер, но при этом не смотрит мне в лицо: его взгляд прикован к нашим рукам.

– Кара и Клэй хотят, чтобы мы встречались, – выпаливаю я, и он тут же поднимает глаза.

Если до сих пор его лицо ничего не выражало, как будто перетянутое какой-то невидимой лентой, то теперь она лопнула.

– Для пиара, – поясняю я. – Кара приглашает меня в турне, работать на разогреве у нее и у Шоны Купер, но они хотят, чтобы перед этим я как-нибудь привлекла к себе внимание СМИ. Кара ведет «Субботний вечер в прямом эфире», а Шона встречается с каким-то спортсменом...

– С трехкратным чемпионом Национальной футбольной лиги.

– Вот именно.

Мое дыхание становится слишком громким, и Майер, по-видимому, только теперь замечает, что его рука до сих пор лежит на моей. Он тут же исправляет эту оплошность.

– А почему наши отношения должны кого-то заинтересовать? Мы и так все время вместе. Что за новость? – спрашивает Майер.

– Думаю, Кара и Клэй хотят использовать тебя как приманку, чтобы подогреть интерес ко мне. Это как с моим Инстаграмом: люди оставляли комментарии, потому что думали, что мои тексты пишешь ты, – говорю я, и Майер морщится. – Пришлось удалить нашу единственную совместную фотографию... Впрочем, не о том речь. Расчет не так уж плох: когда объявят о начале турне и о моем участии в нем, мной, наверное, и правда заинтересуются. А твое имя рядом с моим... пойдет делу на пользу. Пока я даже не представляю себе, как все это будет выглядеть. Честное слово, Майер. Кара мне ничего толком не объяснила. Просто пригласила сюда, и все.

– Ей не кажется, что я для тебя староват? – спрашивает Майер, кривя рот в усмешке.

Может, он намекает на то, что я незрело себя веду? В таком случае это удар под дых. Я отвечаю:

– Десять лет – не та разница в возрасте, которая может вызвать скандал.

Он только фыркает, и на его лице вдруг появляется сер-

дитое выражение.

– Ты не обязан соглашаться, – шепчу я.

– Ты тоже, Фи, – говорит Майер и хмурится еще сильнее.

Мне хочется свернуться в клубок, чтобы не видеть отвращения на его лице. Ему противно от того, что я обратилась с такой просьбой.

– Фи, не надо, твой талант говорит сам за себя. Ни в чем другом ты не нуждаешься. И меня бесит, что кто-то может думать иначе.

Ах, вот в чем дело...

Тут появляются Кара и ее менеджер. Они подсаживаются к нам с вежливыми улыбками людей, уверенных в себе и осознающих собственную значимость. Немедленно подсказывает официант, чтобы принять у них заказ. «Какой внимательный и расторопный», – думаю я, а потом замечаю за барной стойкой еще двух официантов. Они смотрят в нашу сторону, вытянув шеи. Один даже приготовил телефон, чтобы нас сфотографировать.

– Итак, Майер, Фарли рассказала вам о моем предложении? – спрашивает Кара и, сняв очки в красной оправе, начинает вытирать их о футболку с портретом рэпера Бигги Смоллса.

– Рассказала, – отвечает Майер, и на его скулах обозначаются желваки.

– Ну и?

– По-моему, это вульгарное сводничество. Мы оба знаем,

что Фарли – хороший комик. Именно в таком качестве она вам и нужна. А предлагать ей пиарить свою личную жизнь... Думаю, это вас недостойно.

Убийственный тон, которым Майер произнес эту тираду, заставил меня вжаться в спинку диванчика. Я уважаю своего менеджера и друга за его моральные принципы и благодарна ему за то, что он меня защищает. Но зачем так резко? Разве предложение Кары настолько неприлично? Почему бы не привлечь к себе внимание, если это поможет нам добиться того успеха, которого мы заслуживаем?

У меня были свои причины для сомнений, но я понимаю: в шоу-бизнесе побеждает тот, кто умеет засветиться, тот, за кем с интересом следят. А если хочешь стать популярным стендапером и при этом ты женщина, то тебе, к сожалению, придется преодолеть пару лишних подъемов и спусков. Майер – мужчина. Какое право он имеет судить меня по каким-то своим принципам, даже не разобравшись в ситуации?

Между прочим, не только женщины прибегают к разным ухищрениям для привлечения внимания к своей персоне. Хотя до сих пор я особо не задумывалась о фиктивных отношениях ради пиара, но в целом я вообще-то понимаю, что к чему. Мужчины тоже не брезгают подобными фокусами, и никому даже в голову не приходит их осуждать. Бизнес есть бизнес.

– А других кандидатов для меня у вас нет? – спрашиваю я, прежде чем Кара успевает ответить или уйти.

Она отводит гневный взгляд от Майера, и в это же время я чувствую, как его взгляд обращается на меня.

– Кандидатов множество, – говорит Кара. – По пути сюда я предложила еще троим, и все согласны. Так что выбирать вам. Двое – футболисты из команды Тайсона; им не помешает немного пиара, чтобы сниматься в рекламе. И заинтересовался Деклан Кроу: ему сейчас нужно позитивное внимание, а женщина-комик – это звучит заманчиво.

Майер мотает головой.

– Да уж, наверное, заманчивее, чем героин и рукоприкладство по отношению к предыдущей подружке.

Он прямо-таки кипит.

– Обвинения не доказаны, – поправляет его Клэй.

– Пусть будет кто-нибудь из спортсменов, – говорю я, пока Майер не взорвался.

– Вот и отлично, – улыбается Кара. – Футбольный сезон в разгаре, до начала турне вы успеете много раз показаться вместе на публике. Сделаете несколько милых групповых фото...

– Да притормозите же вы на секунду, черт побери! – вклинивается Майер. – Я пытаюсь понять, почему первым делом вы подумали обо мне.

– Объясни, Клэй, – просит Кара своего менеджера.

Тот, кивнув, начинает:

– Ну, если честно, вы для нас своего рода загадка. Исчезли, когда были на пике. В профессиональных кругах не сек-

рет, что вы активно пишете и занимаетесь карьерой Фарли. Однако широкая публика ничего о вас не знает, людям любопытно. Когда мы объявим, что ваша подопечная едет с нами в турне, и начнем обкатывать материал на небольших мероприятиях, она так и так окажется в центре внимания. Если рядом с ней будете вы, это только подогреет интерес. Ведь публика уверена, что все шутки стендаперов берутся из жизни.

– Если я соглашусь, то мне нужно четкое расписание мероприятий, и я должен знать, когда нас будут фотографировать. Просто так ходить за нами с камерой я никому не позволю! – безапелляционно заявляет Майер, тыча пальцем в стол.

Я понимаю, что он думает о Хейзл, и на меня накатывает чувство вины, жгучее и горькое.

– Майер, я могу встречаться с футболистом. Никаких проблем. Правда.

– Так ты этого хочешь? – произносит он, снова вспыхнув: ноздри раздуты, взгляд впился в мое лицо.

– Вообще-то нет. Было бы проще, если бы мы с тобой... Учитывая то, что мы действительно вместе работаем и много общаемся... Но...

– Я согласен, – заявляет Майер, обращаясь скорее к Каре, чем ко мне.

– Тогда мы свяжемся с Шоной и ее менеджером, чтобы обсудить все детали и составить план, – отвечает Кара, бро-

сив беглый взгляд в мою сторону.

Майер кивает. Мы встаем и обмениваемся рукопожатиями. Люди нашей профессии не могут слишком долго оставаться серьезными. Как истинный комик, Кара прерывает молчание шуткой:

– Если честно, в своих номерах я частенько говорю про детскую эрекцию сынишки и про задницу мужа. То есть эксплуатирую домашних со страшной силой. Вы тоже не должны стесняться: нет ничего страшного в том, чтобы использовать личную жизнь ради успеха в профессии. Мы с вами офигенно проведем время. Вот увидите.

Чтобы избавить Майера от необходимости открывать передо мной дверь, я первая подхожу к его машине, со свойственной мне грацией дергаю дверцу слишком сильно и чуть не падаю. Майер сзади придерживает меня за плечи, мои волосы раздуваются от его дыхания. В следующую секунду он отпускает меня и садится за руль.

Уже одиннадцатый час вечера, но сегодня суббота, и это заметно по тому, как загружены лос-анджелесские дороги. Мы двадцать минут ползем по автостраде и проползли, наверное, столько же ярдов. Наконец я отваживаюсь прервать гнетущее молчание.

– Майер, мне жаль, что так получилось. Ты не должен соглашаться, если не хочешь. Я и без этого тебя обременяю. Не хочу становиться еще большей обузой.

Он фыркает.

– Ну а теперь-то в чем дело? Говорю же тебе: ты свободен, – не унимаюсь я.

– Не мели ерунды, Фи. Сама знаешь, ты для меня не обуза. Я согласился помочь – значит, помогу. Твой успех – мой успех, и я хочу, чтобы ты его добила.

– Тогда почему ты так злишься? Я уже начинаю думать, что мне пора обидеться.

– Интересно было бы посмотреть. Чтобы ты обиделась – даже не представляю себе такого.

– Майер!

– Джонс?

– Просто скажи мне, о чем ты думаешь. Пожалуйста.

Он вздыхает и впервые за долгое время решается посмотреть в мою сторону.

– Ты могла бы встречаться с кем-нибудь по-настоящему. Я и раньше беспокоился из-за того, что ты проводишь слишком много времени с Хейзл и мной. А ведь ты красивая молодая женщина. Тебя наверняка ждет чудесное будущее.

Мой мозг оказывает мне большую услугу, решив пока не реагировать на слово «красивая», сказанное Майером в мой адрес. Обычно я покрываюсь сыпью от комплиментов, особенно если слышу их не на работе.

– Послушай, – отвечаю я. – Наконец появился реальный шанс приблизиться к моей цели – делать на сцене то, чего я хочу. Встречаться с кем-нибудь по-настоящему сейчас было

бы не вовремя. Не говоря уж о том, что мне, как ты прекрасно знаешь, очень нравится проводить время с тобой и Хей-зл. – *А еще я люблю тебя, но об этом тебе знать совершенно ни к чему.* – Так может, ты перестанешь строить из себя старого деда? Черт подери, Майер! Ты сам завидный жених, но почему-то не видно, чтобы ты этим пользовался.

– А зачем мне это надо, когда рядом со мной постоянно крутится сексуальная особа двадцати с чем-то лет?

Не зная, как ответить, я несколько раз подряд неестественно усмехаюсь.

– Боже мой, Джонс! Да ты посмотри на себя! Ты теряешься, когда я только *делаю вид*, что заигрываю с тобой. Так как же мы будем встречаться? Тебе не кажется, что от нас будут ждать хотя бы флирта, если не нежности?

Вот это поворот!

– Я не знала, что ты меня испытываешь.

– Раз уж ты на это согласилась, придется играть всерьез. Сейчас октябрь, а если турне запланировано на март, то от нас, наверное, ждут, что мы начнем наше цирковое шоу не позднее ноября.

– О, я выложусь по полной! Будь спокоен! – говорю я, чувствуя, как внутри закипает злоба, а почему – и сама точно не пойму.

Я преодолела столько трудностей и сомнений, чтобы получить шанс, который мне сейчас выпал! Остался последний шажок, причем не такой уж сложный – всего лишь изоб-

разить романтические отношения с мужчиной, которого я, может быть, действительно люблю, но держу на расстоянии вытянутой руки отчасти из-за собственной эмоциональной ущербности, отчасти из уважения к нашей дружбе.

– Да уж, придется попотеть. Я не дам тебе расслабиться, – говорит Майер.

– И хорошо.

– Ты офигеешь от моего напора, Джонс, – медленно произносит он сочным низким голосом.

Я поворачиваюсь к нему с разинутым ртом и пылающими щеками. В машине темно, только разноцветные уличные огни, проплывая мимо, бросают отсветы на его лицо, расплывшееся в довольной улыбке.

Он видит мою обескураженную физиономию и смеется. В первую секунду я зависаю где-то между шоком и негодованием, а потом заражаюсь его смехом и тоже начинаю гоготать. Когда мы наконец замолкаем, Майер накрывает мою руку своей.

– Все у нас получится, Фи. Ты заслужила это турне, а значит, поедешь и будешь блистать. Мы справимся. Давай только... поосторожнее вести себя с Хейзл. Я не хочу... сбивать ее с толку или внушать ей какие-то надежды.

Тепло его ладони поднимается вверх по моей руке, заполняет грудь, разливается по всему телу. Четвертое прикосновение за вечер!.. Нелепо, конечно, что я считаю. И что при малейшем намеке на флирт со стороны Майера мое сердце

начинает трепыхаться, как боксерская груша, по которой молотят с бешеной скоростью.

Может, раньше между нами что-то и наклевывалось. Бывали вечера, когда он ослаблял оборону, и его дружеские замечания звучали как не просто дружеские. Однажды в Вегасе мы напились... Мне до сих пор иногда снится та ночь. Хотя, наверное, я преувеличиваю значение того эпизода. Все дело было в самых обыкновенных эмоциях, усиленных алко-голем. Мы наткнулись друг на друга, потому что оба нетвердо стояли на ногах. Особенно он. Лучше не вспоминать.

– Я никогда, никогда не сделала бы ничего такого, что может хоть как-то задеть твою дочь. Уверяю тебя, Майер. Если нам покажется, что мы заходим слишком далеко и рискуем травмировать Хейзл, мы тут же остановимся. Без вопросов. Договорились?

– Договорились.

Он убирает руку, и я делаю над собой мощное усилие, чтобы не схватить ее опять. А то я могла бы уже сейчас продемонстрировать ему свою готовность «выкладываться по полной».

Он будит меня, когда мы подъезжаем к гаражу.

– Джонс. Приехали.

– А? Хорошо. Спасибо, что подвез, – нечленораздельно бормочу я, зевая.

– Марисса постелила тебе в гостевой и приготовила вся-

кие штучки для ванной, которые ты любишь.

– Да не надо было... Я поеду к себе, не буду докучать, – отвечаю я, с трудом разлепляя веки.

– Не выдумывай, Фи.

– Ладно, – соглашаюсь я.

Мы тихо входим в дом. Марисса, помощница Майера по хозяйству (он не зря ей платит, она мастерица на все руки), спит в том же крыле, что и Хейзл. А гостевая спальня рядом с хозяйской.

Мы с Майером идем бок о бок, в одном ритме, от его тела исходит тепло. Несмотря на сонливость, я очень даже замечаю все это. Пришли. Пора расходиться по комнатам.

– Спокойной ночи, Май.

– Спокойной ночи, Фи.

Глава 4

*«Я стараюсь не думать о той боли, которую
причиняет жизнь. Забыть, высмеять, утолить. И
хохотать».*

Джим Керри

Тридцать восемь месяцев назад

Майер

– Ты точно не устанешь и не захочешь спать? – спрашиваю я Хейзл.

Мы только что высушили ей волосы, переоделись, и теперь она постоянно смотрит на свою руку. Приходится, улучив момент, повторить вопрос:

– Уверена, что хочешь пойти туда в свой день рождения?

– Папа, хватит спрашивать. Будет весело.

Мы возвращаемся в клуб, и я сразу же заказываю для Хейзл «Ширли Темпл»². Как только мы садимся за столик, откуда ни возьмись появляется Фарли, взбудораженная до трясучки.

– Вы не соврали! – говорит она, одновременно жестику-

² Безалкогольный коктейль, названный в честь актрисы, прославившейся своими детскими ролями в фильмах 1930-х годов, где она исполняет сложные танцевальные номера и поет. – *Здесь и далее примеч. перев.*

лируя.

Я устало вздыхаю, Хейзл хихикает.

– Нет, мы не такие. На всякий случай уточню: вы ведь не собираетесь переводить все ваше выступление на язык жестов?

– Не беспокойтесь, в этот раз не планировала. Но надеюсь, она, – Фарли кивает на Хейзл, – все равно не заскучает?

– Она у меня молодец. Уткнется в мой телефон и забудет про нас.

– Значит, все в порядке, – смеется Фарли.

Золотисто-каштановый оттенок ее волос повторяется в глазах. Она тоже высушилась и переделалась. Сейчас на ней красно-коричневый свитер, подчеркивающий изгибы стройной фигуры.

Стоп! Это еще что такое?! Ты пришел сюда исключительно из профессионального интереса!

Фарли отбегает, достает из-за барной стойки миску вишни и, поставив ее перед Хейзл, вспархивает на сцену. Подходит к микрофону, глядя на него, как на старого приятеля. На лице уже сияет широкая улыбка.

– Добрый вечер, друзья! Рада вас всех видеть! – Фарли выдерживает естественную паузу (ждет, когда все взгляды притянутся к ней) и продолжает: – Спасибо, что решили провести этот субботний вечер здесь, со мной. Лично я в субботу вечером предпочитаю сидеть дома. Особенно с тех пор, как начала ходить в церковь каждое воскресное утро. – Она при-

останавливается, и по нескольким смешкам и одобрительным возгласам я понимаю, что в зале есть «возвращенцы». – Нет, я серьезно! Хотите классный совет? – Фарли оглядывает зал, создавая легкое напряжение. – Если кто не знает, современная церковная служба – это (я ни капли не преувеличиваю!) точь-в-точь концерт Эда Ширана, только бесплатный. Послушайте «Замок на холме» и скажите мне: не та ли это долбаная песня, которую средний класс поет на каждой воскресной службе в своих пригородных церквях?

Зрители смеются: кому-то замечание Фарли показалось метким, кому-то – просто забавным. Так или иначе, людям смешно.

– Как и на концерте Эда Ширана, в этих церквях можно видеть белых женщин с поднятыми руками и белых мужчин, которые держат руки в карманах, переминаются с ноги на ногу и иногда хлопают в такт.

Верно подмечено! Зал взрывается. Я оборачиваюсь к Хейзл: она тоже хохочет.

– Порции закусок и напитков просто смехотворные, зато, опять же, бесплатные! – продолжает Фарли.

Она прирожденный стендапер. И лицо, и тело постоянно в движении – глаз не оторвать. Концовки шуток ненавязчиво подчеркиваются идеально подходящими жестами и позами. Я еще никогда не видел, чтобы человек был так сильно похож на лягушку Кермита из «Маппет-шоу». Фарли то подпрыгивает, то как будто бы сдувается, ее движения совершенно

раскованны. Шутит она в основном о самых простых радостях жизни: о детях и их способности сразить любого взрослого беспощадно правдивым замечанием, о том, что наслаждение едой с каждым прожитым годом становится для нас все важнее, соперничая с сексом.

Шутка о шмелях далеко не интеллектуальная, но люди вытирают слезы и стонут в перерывах между приступами хохота. Подводку Фарли начинает с того, что скука, на ее взгляд, неизбежное зло, которое иногда выворачивает наши мысли наизнанку. Вот однажды она потеряла телефон и за тот вечер, который ей пришлось провести в размышлениях, выяснила много нового о себе и об окружающем мире.

– До меня вдруг дошло, – говорит она. – До сих пор я считала, что пчела жужжит не крыльями, а ртом. Это ж надо быть такой душой! Нет, вы только представьте! Летит себе пчелка и, брызгая слюной, орет: «Я пчела-а-а-а! Глядите на меня-а-а-а! Я лечу-у-у-у-у!»

Фарли так яростно ревет, бегая по сцене, что я зажимаю рот рукой – пытаюсь подавить глупую улыбку. Ну и вишенка на торте – имитация того, как шмель опыляет цветок. Отключив зад, Фарли исполняет самый безумный тверк-данс из всех, что я когда-либо видел. Хейзл радостно смеется, совершенно забыв о существовании моего телефона.

Юмор Фарли, конечно, не назовешь тонким. Многие ее шутки примитивны, грубоваты и почти непристойны. Но на людей они, кажется, влияют как-то... оздоравливающе? На-

верное, потому, что все основано на позитивном мировосприятии и по-детски непосредственной наблюдательности.

Переходы между шутками довольно неуклюжие, а порой их вообще нет. Думаю, дело в дефиците времени: Фарли просто чувствует себя битком набитым грузовым поездом и за те несколько минут, что ей отвели, старается выложить зрителю побольше.

У этой девушки, несомненно, есть потенциал. Я невольно задумываюсь о том, как, наверное, утомительно жить с такими мозгами.

Пожалуй, никто не наблюдает жизнь более пристально и увлеченно, чем комики. Иногда такая способность развивается в человеке благодаря личным обстоятельствам. Если вам не нравится какая-то черта в себе или в ваших близких, попробуйте над этим посмеяться, и вы вдруг заметите: то, что раньше угнетало вас, теперь даже доставляет вам своеобразное удовольствие.

Самоуничтожение – лучший рецепт для того, кому кажется, что над ним потешаются другие. Перехватите шутку, направленную на вас, сделайте ее своей, и тогда она вас не ранит. Учитесь переводить боль в смех; смех неплохой анестетик.

Я восхищаюсь теми, кто все это умеет. Сам я, к сожалению, уже не отношусь к числу таких людей. Может быть, и никогда не относился. В последнее время я пишу, словно абстрагируясь от жизни, а эта девушка, Фарли, наоборот, по-

гружается в нее и шутит от души.

Привычка к отстраненному наблюдению приводит к тому, что со временем ты оказываешься как бы за пределами самого себя. Если постоянно анализировать и записывать свои ощущения, то однажды перестанешь проживать собственный опыт.

После бурных аплодисментов, которыми закончилось выступление, Фарли направляется к нашему столику, сияя улыбкой на весь зал. Я знаками говорю Хейзл, что пора идти. Фарли машет нам. Видимо, решила нас проводить.

– Не хотите остаться? – спрашивает она, когда мы втроем выходим на свежий вечерний воздух.

Только потому что я сам когда-то выступал на сцене, я заметил: уголки ее губ едва уловимо подрагивают. Напряженные мышцы устали удерживать улыбку.

– Нет, мы приходили, только чтобы посмотреть на вас. Заглянем еще в соседнее кафе поесть мороженого, – отвечаю я и протягиваю Фарли бутылку воды: по опыту знаю, что у нее наверняка пересохло во рту. – Присоединяйтесь к нам. Вы немного отдохнете после выступления, а потом, если хотите, можем его обсудить.

И чего я вдруг полез с советами, о которых меня не просили? Обычно я никому не навязываю своего мнения, но сейчас меня распирает: очень хочется, чтобы эта девушка знала, как она мне понравилась – и сейчас, на сцене, и днем, когда она оживила наш праздник, выступив перед незнакомыми ей

детьми.

Еще мне интересно, откуда она знает язык глухонемых, чего надеется достичь как комик, достаточно ли заботится о себе...

Черт! Успокойся!

Фарли делает несколько больших глотков. Ее лицо расслабляется, улыбка сползает. Глаза смотрят на меня с подозрением.

Когда мы уже сидим за столиком и лениво ковыряем мороженое, я говорю:

– После выступления мне всегда хотелось чем-нибудь занять рот.

Фарли вздергивает бровь и застывает, не донеся ложечку до губ.

– Это какой-то намек?

Я фыркаю, чуть не подавившись мороженым.

– Что? Да нет, конечно! Клянусь! – Я по-скаутски поднимаю три пальца. – Просто я помню, как мышцы лица устают, когда работаешь на сцене. Единственное, что помогает снять напряжение, – поесть или попить чего-нибудь.

– Да расслабьтесь. Я прикалываюсь.

Вот, значит, как? Я отправляю в рот очередную ложку мороженого, чтобы замаскировать улыбку. Маленькая паразитка!

– Между прочим, я обожаю конструктивную критику. Слушаю вас.

– Ну, во-первых, вы врете. Ни один комик не желает слышать ничего, кроме лести, – отвечаю я.

– Значит, Майер Хэрриган, я исключение из правила, – улыбается Фарли, вскинув голову. – Сначала мне нужна критика. Тогда потом, когда вы начнете мне льстить, я смогу вам поверить.

Я киваю, но она, прежде чем я начинаю говорить, указывает на себя ложкой.

– Моему отцу невозможно было угодить. Поэтому я не умею принимать безоговорочную любовь.

Знакомая песня...

– Послушайте, – вздыхаю я, – если у вас травма, вы не обязаны всем о ней рассказывать. Я знаю, многие комики любят поковыряться в людях, особенно друг в друге. Видят больное место и сразу лезут. Но я не буду вас трогать, если вы не будете трогать меня.

Фарли откидывается на спинку диванчика, склонив голову набок и выпятив нижнюю губу.

– Не знала, что в жизни вы такой ворчливый.

– Извините, что разочаровал.

– А я не сказала, что вы меня разочаровали, – говорит Фарли довольно напористо: от неожиданности я даже делаю небольшую паузу.

– Ладно. – Я отодвигаю пустой стаканчик, а Хейзл, явно уставшая, прислоняется ко мне. – Хотел бы посоветовать вам разве что делать более плавные переходы, даже в коротком

номере. Вы не позволяете себе вздохнуть и идете дальше, не дав людям отсмеяться... Не спешите, старайтесь связывать шутки друг с другом.

Фарли кивает и, мило улыбнувшись Хейзл, говорит жемствами:

– *Устала? С моей стороны большие места. Можешь прилечь здесь, если хочешь.*

Хейзл вопросительно смотрит на меня и, получив одобрение, перебирается на диванчик Фарли, пока та говорит мне:

– Знаю. Переходы – это моя беда. Мозг не хочет мыслить связно. Когда со мной происходит что-то смешное, я это просто записываю и беру в номер. А связующий материал – я сама, другого у меня нет.

– Понимаю, но старайтесь как-то выкручиваться. Необязательно все время отталкиваться от себя. Можно взять кого угодно. Например... – Я роюсь в памяти, ищу что-нибудь подходящее. – Однажды я использовал свою маму. Рассказал, как мы поругались из-за моего предыдущего выступления и какой фантастической ерунды она мне наговорила. Я просто не мог не поделиться этим со зрителями. Ну а потом нужно было перейти к чему-то другому, уже не связанному с моей семьей. Я продолжил диалог с мамой, чтобы переход не был резким.

– Помню! – говорит Фарли, и ее глаза округляются.

Я с тревогой ловлю себя на том, что мне очень приятно быть опытным профессионалом, который может дать нович-

ку ценный совет.

– Господи, и почему же мне самой это не пришло в голову? – Фарли задумчиво смотрит в потолок. – Следовало бы начать с того, как отец таскал меня в церковь. Тем более что это правда. Потом рассказала бы про его недовольство моей личной жизнью. Можно было бы даже связать с ним ту ситуацию, когда я осталась без телефона.

– Только не усложняйте, – киваю я. – Скажите, что приехали к нему на Рождество, а у него не оказалось зарядки, или телефон просто сломался. Кстати, придуманный семейный праздник помог бы вам вплести в общую канву историю о том, как вас дразнили дети. Допустим, на тот ужин привезли вашего племянника...

– Ага... К сожалению, у меня нет ни братьев, ни сестер, значит, и племяннику взяться неоткуда. Обычно я стараюсь не уходить от реальных ситуаций слишком далеко.

– И правильно. В любой шутке должно быть зерно правды или хотя бы что-то, что могло бы быть правдой.

Фарли, кивнув, достает ручку и с довольным видом царапает что-то на салфетке. Хейзл крепко спит – я вижу ее бок и слышу ровное дыхание.

– Если вы единственный ребенок в семье, то где же вы научились так хорошо ладить с детьми? – спрашиваю я, уступив своему любопытству.

– Я работаю помощником учителя в начальной школе для глухонемых. Там я занята не полную неделю, поэтому под-

рабатывала в баре у Ланса, пока он, долбаная свинья, меня не выкинул.

– Долбаная свинья? – морщусь я.

Фарли не отвечает. Прикусив большой палец, она смотрит на исчерканную салфетку и тихо смеется.

– Если хотите, я замолвлю словечко, и он вернет вам работу, – говорю я и сам чувствую, как уголки моего рта уныло опускаются.

– Почему у вас такое лицо, будто вы еле сдерживаетесь, чтобы не пукнуть?

– Потому что я понимаю, что предлагаю вам какое-то дерьмо.

– И все же я не откажусь от вашего предложения. Мне не до жиру. В свои двадцать три года я сплю на двухъярусной кровати в комнатухе, которую снимаю пополам с другой женщиной. Здесь, в Лос-Анджелесе, мне и это дороговато. Вчера моя соседка Марисса разбудила меня и попросила перелезть с нижней койки на верхнюю, потому что внизу они с парнем решили заняться сексом.

– Какие они неизобретательные, – говорю я, скривившись. – Могли бы и на полу расположиться.

– Они как раз очень изобретательные. Пол – единственное место, которое пока не пострадало от их сексапад. Унитазное сиденье они уже сломали, обивку дивана испачкали. А когда они в последний раз занимались этим во дворе, кто-то вызвал копов... В общем, у Мариссы богатый опыт, и она

в обмен на разные одолжения делится им со мной, чтобы я использовала его в своих номерах.

Я усмехаюсь.

– То есть собственных сексуальных приключений вы не ищете?

– Нет. А вы и здесь могли бы помочь мне советом? – говорит Фарли, игриво приподняв брови.

Я подаюсь назад в ужасе от того, что разговор до такой степени вышел из-под контроля, когда рядом спит Хейзл. Фарли перестает улыбаться.

– Вы просто... Не поймите меня неправильно, Джонс. С вами все в порядке. В полном порядке.

Господи, что я несу!

– Расслабьтесь, дедуля, я пошутила.

Слава богу!

На то, что она назвала меня дедулей, я не обиделся, хотя мог бы, если бы мое эго в последнее время не так сильно сдало позиции. Фарли – девушка яркая и привлекательная, но я в последнее время проявляю себя только в роли отца, а в том, что касается всего остального, живу как в густом тумане. Трудно объяснить такое едва знакомому человеку, да я и не хочу ничего объяснять.

– Вы интересны мне в профессиональном отношении, Фарли, – говорю я. – Мое мнение – это, конечно, не истина в последней инстанции, и все-таки мне кажется, что вы можете добиться успеха.

Глава 5

«Жизнь – это трагедия, если снимать ее крупным планом, а если общим – то комедия».
Чарли Чаплин

*Сейчас
Фарли*

Я умудряюсь не встречаться с Майером целых пять дней. Утром, на следующий день после того, как мы приняли предложение Кары, я выхожу из его дома крадучись, словно сбегая от любовника. На самом же деле моя паника вызвана тем, что накануне Майер четыре раза дотронулся до моей руки.

Первые два дня он прячется от меня так же старательно, как я от него, а на третий прерывает радиомолчание несколькими сообщениями. Они вполне невинны, но даже в них я ухитряюсь заподозрить глубоко скрытый смысл.

3-й день н. э. (нашего эксперимента, если считать его началом тот вечер, когда мы приняли предложение Кары).

Майер: Джонс, надо поговорить.

О чем, интересно? Что я ему скажу? В потоке моего со-

знания не могу разобраться даже я сама.

Уж не хочет ли он порепетировать? Я, честно говоря, и сама могла бы предложить нечто подобное, но не без задней мысли – я все-таки не настолько плохо себя знаю. А Майер... Нет, исключено. Он при каждом удобном случае напоминает мне, что я для него «слишком молода».

Таких случаев было немного. Я перебираю в памяти свою маленькую коллекцию «может быть» и «почти»: взгляды, более долгие, чем обычно, и действия, спровоцированные какими-то внешними обстоятельствами. Это редкие исключения, а стандартная реакция Майера на мои язвительные подкаты – неподдельный ужас. С тех пор как наши отношения стали профессиональными, я стараюсь с ним не флиртовать. Но если я все-таки что-нибудь брякну по неосторожности, он в лучшем случае толерантен. Представьте, что мое притяжение к нему взаимно, – это все равно что травмировать тонкую кожу. То есть, например, растянуть в улыбке потрескавшиеся губы, которые только-только начали поджигать (они тут же опять начнут кровоточить, лучше бы их еще раз смазать).

Так или иначе, вечер, когда мы согласились на предложение Кары, воспринимается как поворотный момент. Решение принято, эксперимент начался. Однако двух сценариев, как в «Осторожно, двери закрываются»³, быть не может. В

³ «Осторожно, двери закрываются!» (*Sliding Doors*, 1998) – фильм Питера Хайта, в котором показаны два варианта развития событий в жизни одной и той

случае, если что-то пойдет не так, назад не вернешься. Направление выбрано, сворачивать некуда.

3-й день н. э.

Четыре пропущенных вызова от абонента «Майер».

Майер: Фи, по-моему, нам надо установить какие-то правила или ориентиры. Давай поговорим. О том, что будет после турне. Пожалуйста, напиши или перезвони.

Марисса: Почему Майер постоянно спрашивает меня, говорила ли я с тобой? Он еще более нервный, чем обычно.

4-й день н. э.

Майер: Джонс, ну хватит уже! Мне сейчас позвонил Клэй, они с Карой хотят назначить встречу. Ты же сама согласилась!

Марисса: Сегодня вечером я опять занимаюсь с Хейзл. Какие новости у вас с Майером? Продолжаете чудить? Мне не мешало бы знать, если я встречаю во что-то, что происходит между моим работодателем и лучшей подругой.

5-й день н. э.

Майер: Черт возьми, Фи, мы что – в шестом классе?

же женщины, которая либо успевает, либо не успевает сесть на поезд.

Мальчик и девочка влюбились друг в друга и стесняются разговаривать? Перезвони!

Я делаю скриншот последнего сообщения, чтобы поржать над ним когда-нибудь (когда мне станет до смеха) и, возможно, даже использовать его в качестве материала для выступления. Кстати, я прекрасно помню мальчика, в которого была влюблена в шестом классе. Его звали Ник Фарнум. Через друзей мы обменялись оригами с признаниями и после этого ни разу не общались, даже взглядами не обменивались.

О боже! Вдруг Ник Фарнум где-то бродит по свету и думает, что мы по-прежнему принадлежим друг другу?.. Впервые за пять дней я смеюсь в голос. Может, Майер на это и рассчитывал? Понимает ли он, что смех – самый надежный канал коммуникации со мной?

Шестой день. Погода такая, какая обычно бывает в Лос-Анджелесе в октябре. Идеальная для того, чтобы загорать у бассейна. Когда Майер и Хейзл переехали в собственный новый дом, я по очень умеренной цене купила их старую квартиру. В этом жилом комплексе есть бассейн, в котором я частенько плаваю – одна, потому что средний возраст здешних обитателей – лет семьдесят пять.

Нарезая круги, я обдумываю предстоящий звонок Майеру. Надо извиниться перед ним за глупое поведение. Ведь ему самому все это не в радость: он согласился ради меня, ради моего большого турне. Которое будут снимать и, возмож-

но, даже покажут в специальном выпуске. Майер хочет все прояснить, выработать оптимальную тактику. Он слишком умен, интеллигентен и уравновешен, чтобы рисковать моей или своей карьерой. Единственный вопрос – наша дружба, а то, что я до сих пор от него пряталась, – это не по-дружески.

Я шумно выныриваю и хватаюсь за телефон. Мне не терпится разрулить эту неприятную ситуацию. Нажав на кнопку соединения, я начинаю грызть ногти. К глазам почему-то подступают слезы. Идут гудки, и одновременно я слышу какое-то эхо. Вернее, это звонок. Я оборачиваюсь и вижу Майера: он небрежно держит телефон, прислонившись к воротам бассейна с наружной стороны.

– Я как раз звонила тебе, чтобы извиниться! – облегченно вздохнув, кричу я.

Он скрещивает руки на груди. Ждет. Я продолжаю орать с другого конца бассейна:

– Извини!

Майер стоит, как стоял. Я бы заподозрила, что он меня не слышит, если бы он не опустил подбородок и не выдержал паузу, прежде чем снова бросить взгляд в мою сторону.

Опасливо, как по канату, я иду к нему, раскручивая свою словесную спираль:

– Я просто немного струхнула – потому что понимаю, как это важно. Ты и так сделал для меня очень много, а теперь еще и в это ввязался ради моего турне... Меня совесть замучила. А еще я беспокоюсь о Хейзл. Хотя, строго говоря,

кто я такая, чтобы о ней беспокоиться? Да и оснований нет: у тебя наверняка все под контролем.

Дойдя до ворот, я наконец-то отваживаюсь посмотреть Майеру в глаза и вижу в них ужас.

– Что случилось?! – вскрикиваю я.

– Какого... – Майер встряхивает головой. – Что это ты напаялила?

Я оглядываю свой закрытый купальник, на котором изображены волосатые соски и пивной живот.

– Ах, это? Купила! Артур из квартиры 14Д пялится на меня, когда я плаваю. Пусть знает: никаких гляделок за бесплатно!

Я гордо улыбаюсь, довольная своей изобретательностью. Майер вздыхает:

– Теперь ты должна выплатить Артуру компенсацию за моральный ущерб. И мне тоже.

Я поднимаю ладонь и делаю вид, что записываю на ней.

– Взято на заметку. Носить бикини на протяжении трех месяцев, чтобы пострадавшие могли пополнить свой банк эротических образов.

– Последняя шутка всегда за тобой, да? – Майер приподнимает уголок рта. – Ну так тыпустишь меня или как?

– Ой! Проходи, конечно!

Я открываю ворота. Майер прячет руки в карманы шорт и говорит:

– Фарли, имей, пожалуйста, в виду: я войду в любое поло-

жение, если ты мне его объяснишь. Не надо просто исчезать.

– Знаю. Это было глупо. Извини.

– Ты прощена.

Я разворачиваюсь и иду к своему шезлонгу.

– О господи! Да у тебя там еще волосатая спина нарисована и задница, с которой плавки сползли!

Я виляю попой и смеюсь.

Некоторое время мы просто валяемся на солнышке, я наслаждаюсь спокойствием. Майер – единственный человек, с которым я могу спокойно помолчать. С другими людьми всегда возникает ощущение, что от меня чего-то ждут. Может, оно ни на чем не основано, и тем не менее. Я напряжена и все время пытаюсь говорить или делать что-нибудь смешное.

– Готова к завтрашнему вечеру? – спрашивает Майер.

– Ага. Билеты распроданы, как в прошлый раз?

– Да. В воскресенье Клэй и Кара хотят обсудить с нами твой контракт. Я, честно говоря, думал, что наша договоренность будет неофициальной, но Клэй позвонил и сказал: «Нет, готовится отдельный договор».

– И какие же там будут пункты? Такой-то и такая-то обязуются там-то и там-то столько-то раз ухватить друг друга за задницу?

– Это только за большие деньги, да и то: ты меня хватай, а я тебя не стану. У меня травма после этого! – Майер кивает на мой купальник. – Ужас-то какой! Даже тон кожи точь-в-

точь твой!

Я смотрю на его сердитую физиономию и, отсмеявшись, перехожу к делу:

– Итак. С контрактом все ясно. Но ты говорил еще про какие-то правила – наши внутренние?

– Говорил. Думаю, это само собой разумеется, что, пока мы с тобой участвуем в этом спектакле, мы... хм... не должны встречаться ни с кем другим?

– Ну надо же, какая досада! Мой гарем огорчится! – отвечаю я, выпятив нижнюю губу, но под строгим взглядом Майера тут же добавляю: – Да шучу я! Никаких проблем! Я удивительно мало популярна для женщины, которая рассказывает со сцены о том, как однажды она наблевала себе в сумочку и потом целый день с ней ходила.

– Да уж. Такая история очарует кого угодно.

– Ну а как насчет тебя? – спрашиваю я, закрыв глаза и подставив лицо солнцу, чтобы не смотреть не Майера.

– Что «как»?

– Ты сможешь на некоторое время снять себя с продажи на мясном рынке?

– За меня не беспокойся, Джонс. Давай лучше обсудим другое правило – не собирать всякий мусор в интернете. Делай то, что тебе нужно, но не читай статьи, где все будет истолковываться вкривь и вкось. Они обязательно появятся, и картинки тоже. Не смотри их, пожалуйста. – Майер опускает глаза и ковыряет засохшую болячку на руке. – Ну а если все-

таки отважишься туда нырнуть, то хотя бы мне не говори, ладно?

– Конечно, Майер, – тихо соглашаюсь я.

Он благодарно кивает.

– Ты хотел поговорить со мной о чем-то еще? О том, что будет после турне?

– А? Нет... Просто пытался заинтриговать тебя, чтобы ты перезвонила.

Он как-то резко пожимает плечами. Я повторяю за ним это странное движение и произношу с сомнением в голосе:

– Да? Ну ладно...

– В любом случае мне нужно сказать тебе кое-что другое. Сделай, пожалуйста, лицо посерьезней.

– Боюсь, оно не будет сочетаться с купальником, – отвечаю я, надув губы.

– Джонс! – произносит Майер предостерегающе.

– Поняла. – Я перестаю улыбаться, выпрямляюсь, складываю руки на коленях и деловито спрашиваю: – Ты хотел предложить мне порепетировать?

– Уфф... – Майер опускает солнечные очки со лба на глаза.

Я проделываю то же самое.

– Пожалуй, я бы выразился иначе, – отвечает он, кашлянув. – Но я хотел бы узнать, что тебя напрягает, а что нет. Уяснить для себя границы твоей зоны комфорта и не пересекать их. Я очень боюсь причинить тебе неудобство.

Я сглатываю.

– Ты очень... заботлив.

Слава богу, что сейчас мы оба в темных очках. Иначе он увидел бы сквозь мои глаза пустую черепную коробку: на несколько секунд мозг покинул помещение.

– Послушай, Фи, – вздыхает Майер, – мне тоже не совсем ловко вести этот разговор. Поэтому давай покончим с ним побыстрее. Даже если мы притворяемся, все должно быть по обоюдному согласию.

– О господи! Пожалуйста, не говори больше «по обоюдному согласию».

Он хлопает себя ладонями по коленкам и встает, чтобы уйти.

– Все-все, извини!

– Перестань извиняться. Просто дай знать, когда будешь готова поговорить.

Я тоже встаю и иду за ним. Мои вьетнамки шлепают в такт быстро бьющемуся сердцу.

– Да постой ты. Я уже готова, давай разговаривать.

Я хватаю Майера за плечи. Он оборачивается, и мои руки тут же вытягиваются по швам.

– Я вижу, – говорит он, – что тебе неприятно ко мне прикасаться. Я это не для того говорю, чтобы ты начала спорить, боясь меня обидеть. Нет, я и сам все понимаю. Мы друзья, да к тому же партнеры по работе. Я тоже ценю наши отношения и не хочу нарушать их границы. Но с другими людьми

ты всегда... открыто выражала теплые чувства. Я хотел удостовериться, что тебе не будет некомфортно вести себя так же со мной. Вот и все.

– Хорошо, – говорю я, совершенно растерявшись.

Майер опять направляется к воротам, но я чувствую, что не должна его отпускать.

– Ты проголодался? – спрашиваю я.

– Еще как!

После ужасно неловкой поездки, которая прошла в полном молчании, мы усаживаемся за столик на открытой веранде нашего любимого суши-ресторана. В последнее время у Майера выработалась привычка, не спрашивая, решать, куда меня везти, и мне это очень нравится. Он каким-то образом угадывает, чего я хочу. Видимо, обладает некоей суперспособностью, которую применяет только ко мне (так, во всяком случае, я предпочитаю думать). В очередной раз тронутая этим, я решаюсь на довольно откровенное признание:

– Майер, мне не неприятно прикасаться к тебе. Просто я слишком хорошо к тебе отношусь и не хочу, чтобы *ты* испытывал дискомфорт. Ты... так часто указывал мне на мой возраст... все это время я очень старалась не пересекать границу, которую ты обозначил. Я пыталась вести себя... Черт! Не знаю, как сказать... зрело, что ли?

– Фи, ты же сама по меньшей мере тысячу раз называла меня дедушкой.

– Да. Но... Даю слово: если ты напрягаться не будешь, то не буду напрягаться и я. В общем, нервного срыва от меня не жди.

Может, потом, когда шоу уже закончится. Сейчас мне лучше не думать об этом, чтобы не пойти на попятный.

– И все-таки я считаю, нам не мешало бы... попрактиковаться, чтобы ты не подпрыгивала каждый раз, когда я до тебя дотронусь.

Широкие плечи Майера напряженно поднимаются.

– Я не против.

– Правда? – Он слегка расслабляется.

– Да, только давай не будем усложнять. Обойдемся без терминов и определений.

– То есть просто посмотрим, как пойдет?

– Именно.

Официант ставит на стол миску с соевыми бобами эдамамэ, мы делаем заказ, и я уже собираюсь приняться за закуску, когда вдруг замечаю руку Майера.

Он положил ее на стол, слегка повернув ладонь вверх. Может, это и не приглашение к прикосновению, но оно явно не исключается.

Я решаю поэкспериментировать и кладу свою руку рядом. Заметил он или нет – непонятно: мы оба по-прежнему в солнечных очках.

Жду еще немного – Майер не двигается. Тогда я, затаив дыхание, провожу кончиками пальцев по краю его ладо-

ни. Он тут же раскрывает ее. Я смотрю на него сквозь темные линзы: кадык ходит, ноздри слегка раздулись. Наконец, не отрывая руки от стола, он поглаживает пальцами мое запястье.

Меня почему-то так и подмывает перечеркнуть этот момент каким-нибудь дурацким замечанием или – того хуже – звуковым эффектом. Чтобы себя не искушать, я запускаю свободную руку в миску с бобами и думаю: «Ну пожалуйста! Заговори первый!»

– Как насчет завтрашнего выступления? – спрашивает Майер. – Планируешь вставить в номер что-нибудь новое?

Слизнув с пальца капельку чесночного соуса, я чувствую, как Май слегка сжимает мою руку. Тысячи нервных окончаний включают внутреннюю сигнализацию, и я мысленно приказываю своей ладони: «Только не потеть!»

– Да нет, в общем-то, – отвечаю я, суетливо покопавшись в своих замороженных мозгах. – Кроме того, что на прошлой неделе я решила перейти на натуральный дезодорант. Ведь обычные содержат всякую химическую гадость, они токсичны... Но потом я подумала: «Уж лучше умереть чуть раньше, напичкав организм ядовитыми веществами, чем долго жить, распространяя ядовитый запах».

– Люблю социальную рекламу.

– За исключением тех случаев, когда я рекламирую секс-игрушки.

Майер беззвучно усмехается, чертя большим пальцем

круги по моей ладони.

Приносят суши. Только съев половину порции, я замечаю, что Майер взял вилку вместо палочек. Причем держит он ее в левой руке, чтобы не выпускать мою из правой.

Это лучший обед в моей жизни.

Глава 6

«Раньше я думал, что нет ничего страшнее, чем кончить жизнь в одиночестве. Оказалось, есть. Кончить жизнь в окружении людей, с которыми чувствуешь себя одиноким».

Робин Уильямс

Тридцать четыре месяца назад

Майер

Если вы думаете, что никто не захочет провести канун Рождества в стендап-клубе, то вы заблуждаетесь.

Зал набит до отказа. В перегретом воздухе пахнет алкоголем и весельем. Хейзл и я решили провести этот праздник вместе с Фарли, которая, как хореограф, прорыла к нам ход, став незаменимой частью нашей жизни.

Даже не знаю, как назвать эти отношения. Наверное, мы друзья. Время от времени я даю Фарли советы по поводу ее выступлений, однако вряд ли я могу считаться полноценным наставником – это было бы чересчур громко сказано. Да, друзья – самое то. Особенно если учесть, сколько места она занимает в моих мыслях.

С Хейзл у них какая-то удивительная связь. Фарли постоянно шутит насчет того, что она, мол, плохо влияет на детей, но я уверен: моя дочь выигрывает от такого общения. Ма-

лышке весело. К тому же Фарли помогает ей разбираться со многими ситуациями, где я могу сплеховать: с подружками или с мальчиком, который толкнул Хейзл во время игры в мяч. Что особенно ценно, Фарли дает дельные советы, а не психует, в отличие от меня. Я-то был готов после того случая забрать дочь из школы, найти ей репетиторов и больше никогда не выпускать ее из дому. А Фарли просто предложила Хейзл попрактиковаться в игре с мячом. Мы втроем стали ходить в парк, на спортплощадку, три раза в неделю по вечерам, и вскоре Хейзл так наловчилась, что надрала тому мальчишке задницу. Теперь он держится от нее подальше.

А еще Фарли помогает Хейзл с танцами. Для этого, надо признаться, нужно особое умение. Как научить ребенка танцевать, если он не слышит ритма? Я раздражался и даже сердился, когда Хейзл упрасивала меня записать ее в танцевальный кружок. В итоге мне в очередной раз доказали, что я был не прав.

– Чтобы чувствовать музыку, необязательно иметь слух. Хейзл подвижная, она очень хочет танцевать, и это пойдет ей на пользу. Пусть попробует, – сказала мне Фарли.

При одной мысли о возможной затяжной дискуссии по этому поводу я почувствовал такую усталость, что предпочел сдаться: «Ладно, пускай».

А потом я смотрел, как моя дочь танцует... и чуть не лопался от гордости. Фи разжигает в девочке желание быть храброй, и одним желанием дело не ограничивается. Они

придумали специальные жесты, означающие начало песни, чтобы Хейзл знала, когда вступать. И я, конечно, не мог не заметить, что Фарли приходится самой заучивать все танцы на случай, если малышке понадобится помощь в каких-то трудных местах.

Итак, когда мои родители заявили о намерении встретить Рождество на Гавайях, Хейзл захотела пойти к Лансу в клуб на выступление Фарли, и я согласился. Правда, теперь я начинаю сомневаться в правильности принятого решения. Зал наполняется студентами, которые приветствуют друг друга ударами грудью о грудь в прыжке и тут же начинают опрокидывать стопки на скорость. Может быть, нам с Хейзл стоило просто встретиться с Фарли после выступления?

Но пути назад уже нет. Мы сидим за столиком. Фи встает – сейчас ее номер. И вдруг та часть моего сознания, которой я обычно затыкаю рот, выходит из повиновения. Я вижу, как Фарли, вынырнув из темноты, появляется в круге света.

Она... прекрасна!

Не то чтобы я раньше не замечал ее женской привлекательности, но еще в ней есть какая-то особенная сила, которая в полной мере открывается мне только сейчас. Может быть, это суммарный эффект вчерашнего школьного концерта, в котором участвовала Хейзл, позавчерашнего катания на коньках и просто рождественского настроения. В любом случае я вижу Фарли так, как никогда не видел. В этом смысле она напоминает мне картинку, на которой первое

время не можешь разглядеть ничего, кроме пестроты, а потом вдруг отстраняешься, и проступает портрет.

На Фарли красные ботиночки, футболка с какой-то неизвестной мне музыкальной группой и юбка, открывающая ноги. Оттенок кожи чуть теплее слоновой кости. Красные и зеленые рождественские огни подчеркивают скулы.

Я знаю форму этого лица, знаю, как оно улыбается. Знаю, какой бывает улыбка Фарли, когда она смотрит на Хейзл и что-то говорит ей жестами – только жестами, без озвучивания (в таких случаях я понимаю: девочки хотят обсудить дело без меня). Я знаю, как Фарли покусывает большой палец, если чем-то увлечена, и как нелегко ей дается хмурая гримаса, если она чем-то недовольна (например, тем, что я наотрез отказался знакомиться с какой-то ее подругой). Я знаю, что, когда Фарли от души смеется, ее глаза почти исчезают за щеками, превращаясь в щелочки.

Черт!

При всей своей эмоциональной подавленности я понимаю: нужно предупредить девушку, что у меня появляются к ней чувства. Я должен дать ей шанс отстраниться. Только хорошо бы не резко, чтобы не травмировать Хейзл. Нужно найти способ тактично установить безопасную дистанцию, обозначить границы наших отношений... Вдруг я вспоминаю все те сообщения, которыми мы обменивались ночами, и мне становится стыдно. Как можно было запасть на молодую женщину, которая проявляет по отношению ко мне и

моему ребенку чисто дружескую симпатию? Даже если она иногда и флиртует со мной, это делается в шутку. Такой уж Фарли человек: не может не шутить.

Ну ты даешь, Майер! Пишешь сценарии для романтических комедий, строишь из себя знатока человеческих душ, а в жизни не распознаешь очевидных вещей!

Тут в моей голове, набравшись наглости, начинает звучать другой, совсем хилый голосок:

А вдруг она чувствует по отношению к тебе нечто подобное? Вдруг для нее это тоже больше, чем дружба и работа?

До сих пор я не позволял себе даже подумать о таком.

Прежде чем я успеваю опомниться, зал взрывается аплодисментами. Значит, все время, пока Фарли выступала, я сидел и пялился на нее, как будто меня оглушили. Даже во рту пересохло. Вот она возвращается к нам – какая-то... *другая*. Почти застенчивая. Я слышу, как мой собственный голос произносит:

– Мы можем поговорить чуть попозже?

– Да, – улыбается Фарли.

Просто «да». Никаких вопросов, никакой тревоги в глазах. «Да», и все.

Мой рот сам собой растягивается в ответной улыбке. Фарли улыбается шире, но опускает глаза. Не может быть, чтобы эта женщина вдруг чего-то застеснялась! Однажды (вско-

ре после нашего знакомства) она сказала мне, что совмещает составление списков в телефоне с мастурбацией, чтобы «приучить мозг все организовывать и структурировать»: мол, так он привыкнет получать удовольствие от порядка. Должен выработаться рефлекс, как у собаки Павлова. При воспоминании о том разговоре я сжимаю губы, подавляя усмешку. Застенчивость? Нет, это точно не про Фарли.

Я хватаю ее пальто, оставленное за барной стойкой, и мы начинаем пробираться к выходу, попрощавшись с Мариссой, которая сегодня работает в баре. Они с Фи подружились еще в начальной школе, а теперь вместе снимают комнату с двухъярусной кроватью. Марисса тоже владеет языком глухонемых, и Фарли уговаривает меня нанять ее в качестве репетитора для Хейзл. Наверное, в ближайшее время я так и поступлю.

Помогая Фи надеть пальто, я чувствую, как внутри растет какая-то странная надежда непонятно на что. Это ощущение начинает искриться внутри меня бенгальским огнем, когда Фарли задерживает мою руку на своем плече и, повернув голову, коротко улыбается.

Хлоп!

Внезапно я получаю полотенцем по затылку. Оборачиваюсь. Марисса показывает на притолоку, под которой мы стоим, и, стараясь перекрыть шум переполненного зала, кричит из бара:

– Омела!⁴

Фи вдруг перестает улыбаться.

– Прекрати, Марисса! – говорит она и, взяв Хейзл за руку, пулей выскакивает за дверь.

Я устремляю на барменшу гневный взгляд, но та уже обслуживает неумную студенческую компанию.

– Джонс! – кричу я, пытаюсь догнать Фарли.

– Папа?! – произносит она в тот момент, когда я выхожу на улицу.

Проследив за ее взглядом, я вижу хмурого мужчину; волосы у него такого же каштанового цвета.

– Папа, что ты здесь делаешь? – спрашивает Фи, вся как будто съежившись.

– Пришел к тебе, хотел пригласить к нам на рождественский ужин. Но дома тебя не оказалось, и тогда я понял, что, скорее всего, ты здесь. – Он встряхивает головой и, разочарованно скривив рот, продолжает презрительно: – Уж не знаю, догадываешься ли ты, как я тобой горжусь. Это же такая радость для любого отца! Видеть, что дочь нашла своим языковым способностям блестящее применение! Рассказывает про дерьмо и минеты!

– Папа, перестань, – шепчет Фи прерывающимся голосом.

– Фарли, когда ты наконец поймешь? Это не настоящая

⁴ По старинной европейской традиции, мужчина и женщина, стоящие рядом под рождественским украшением из омелы (вечнозеленого шарообразного кустарника, паразитирующего на ветках деревьев), должны поцеловаться.

работа! Неужели ты не хочешь сделать для общества что-нибудь полезное? Ладно, черт с ним – с обществом. Неужели ты не хочешь чего-нибудь стоящего для себя? Тебе не нужен стабильный доход? Не нужна медицинская страховка?

– Папа, я... Сейчас дела идут неплохо. Правда. Меня стали приглашать в разные клубы, я много работаю... – отвечает Фарли как будто бы не своим голосом, ярким и сочным, а его безликой оболочкой.

– Ты ничего не воспринимаешь всерьез. Ни-че-го. Вбила себе в голову, что должна мне за что-то мстить. Но я-то желаю тебе добра! В твоей жизни нет ни капли стабильности... Ну а это еще кто? Ты с ним спишь? – Мужчина показывает на меня пальцем. Я прижимаю к себе Хейзл. – Вы вместе занимаетесь этой словесной ерундой? Может, хоть вы уговорите ее взяться за ум?

– Вообще-то я ее менеджер, – отвечаю я. – У вашей дочери большой талант. Мы уже довольно давно работаем вместе и, я думаю, многого добьемся.

Фарли с благодарностью смотрит на меня, и ее повлажневшие глаза высыхают. Черт! Я действительно буду ее менеджером, помогу ей выбраться отсюда и стать успешной. Лишь бы только этот засранец оказался не прав. Его уже сейчас перекосило от злости. Тогда что же потом будет? Никаких усилий не пожалею, чтобы посмотреть.

Теперь и еще кое-что становится ясным. Как менеджер я не могу, не должен злоупотреблять своим положением и пу-

тать деловые отношения с романтическими. Если я буду одновременно заниматься карьерой Фарли и встречаться с ней как с девушкой, никто не станет воспринимать нас всерьез.

Приятное чувство смутной надежды угасает.

Ему на смену приходит готовность к действию.

Прежде чем направиться к машине, Фарли бросает через плечо:

– Пока, пап. С Рождеством.

Через некоторое время, уже в нашей квартире, Фи запикивает конфеты в чулок Хейзл и, подлив себе вина, говорит:

– Майер, я никогда... Уф... Короче, спасибо, что поддерживал меня.

– Пожалуйста, Джонс.

– А о чем ты... О чем ты хотел со мной поговорить? – спрашивает она, нервно дергая коленкой.

– Ах, да так... Собирался спросить тебя, не согласишься ли ты стать моей клиенткой?

– Клиенткой? Как менеджера?

Я пожимаю плечами.

– Ну да.

– Спасибо. Даже не верится.

Чтобы компенсировать тот ущерб, который кто-то, видимо, причинил ей в прошлом, я говорю:

– Детали мы проработаем потом. В любом случае я действительно думаю, что ты, Джонс, можешь добиться успеха.

У тебя есть веские причины заниматься тем, чем ты занимаешься.

– И какие же?

– Ты помогаешь людям забыть о грусти. Объединяешь их смехом. Хорошие комики на самом деле способны очень на многое... Шутить можно о чем угодно, хоть о политике. И если ты говоришь смешно, тебя будут слушать. Даже когда человек не хочет менять свое мнение, не хочет воспринимать никаких аргументов, правда, замаскированная под шутку, обязательно доберется до его мозга. Ты заставляешь людей смотреть на жизнь под другим углом. Помогает увидеть смешную сторону того, что вызывает у них дискомфорт или неловкость. Ты незаметно заставляешь их принять твою точку зрения...

Фарли начинает плакать. Я отодвигаю от нее бокал.

– Скажешь тоже, – тихо смеется она и, смахнув слезу, легонько толкает меня в плечо.

Я обнял бы ее, но после того, как я сначала осознал свои чувства к ней, а потом засунул их подальше, нам нежелательно лишний раз соприкасаться друг с другом. Поэтому я только глажу ее по спине.

– Я ведь не рассказывал тебе, почему я... бросил стендап. То есть перестал выступать, – говорю я.

Фарли поднимает глаза. Смоченные слезами, они блестят, как золото.

– Мы с мамой Хейзл... У нас не было стабильных отно-

шений. Ни ей, ни мне их не хотелось. Мы просто переспали, и она забеременела. Она была постарше меня, и я подозреваю, что поначалу она вообще сомневалась, стоит ли сообщать мне о ребенке. Думала, я начну уговаривать ее сделать аборт. Если уж говорить совсем честно, Джонс, то я бы, наверное, и правда предложил аборт. Мне было двадцать пять, я выступал как комик, моя карьера шла в гору. Конечно, я с уважением отнесся бы к любому решению женщины, но если бы она пришла и спросила, что делать... Поэтому хорошо, что она не стала ни о чем спрашивать. И вообще ничего не говорила до того момента, когда делать аборт стало уже поздно. А я к тому времени знал немало людей нашей профессии, которые сели на иглу или даже умерли от передоза. На сцене получаешь такой адреналин, что возникает своего рода зависимость. Даже когда не выступаешь, хочется испытывать эти ощущения. Можно унести очень далеко, если, конечно, ничего не сдерживает. Так вот, узнав про ребенка, я решил: пора остепениться. Пусть моя жизнь обретет смысл в реальности, а не только на сцене. Ну а потом... После рождения Хейзл у ее мамы, Хэлли, развилась эмболия околоплодными водами – редчайшая болезнь, от которой Хэлли умерла в течение двадцати четырех часов. – Не давая себе времени, чтобы передумать, я вываливаю все до конца: – Мне казалось, что в этой долбаной жизни нет ни единого светлого пятна. Хэлли очень хотела стать матерью, наконец родила чудесное, совершенное существо, и это ее убило. Она даже

не успела порадоваться своему ребенку. Я чувствовал себя так, будто сам ее убил.

Я сглатываю.

– Майер...

– Не перебивай, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты знала, какое огромное значение имеет то, чем ты занимаешься. Клянусь, тогда я думал, что больше никогда не буду смеяться. Меня тянуло на дно, а на руках был младенец, с которым я совершенно не умел обращаться. На помощь приехала мама из Огайо, но все равно, Фи, мне в голову лезли такие мысли... Боже мой! Сейчас, вспоминая о них, я чуть не задыхаюсь от стыда. Однажды выдалась особенно тяжелая ночь... или день, не помню, все сливалось, как в тумане. В общем, я случайно включил стендап и стал смеяться. Хейзл, разумеется, ничего не понимала, тем не менее вид моего смеющегося лица заставил ее впервые улыбнуться. С тех пор я стал записывать то, что со мной происходило. Ничего хорошего, конечно, не происходило, но я подумал: «Если бы это была не моя жизнь, а чужая, я наверняка нашел бы в ней что-нибудь смешное». И вот из рассказов о том, как я вычищал из-под ногтей детское дерьмо и как порвал связку, поскользнувшись на игровом коврике, сложилась пилотная серия, которую у меня потом купили. Юмор не давал мне погрузиться в депрессию, помогал держать чувства под контролем. Я старался окружать себя всякими забавными вещами, чтобы как можно больше смеяться. А если смеяться все-таки не полу-

чалось, то я хотя бы трансформировал свою боль в то, что могло вызывать смех у других людей. И мне становилось легче. Не так одиноко.

Фарли смотрит на меня. Я отвожу взгляд. Хватит, я и так уже вывернулся перед ней наизнанку.

– Моя мама, – начинает она, – умерла, когда мне было шестнадцать лет. От сердечного приступа. Совсем еще молодая женщина. А отец... Мама не заключала с ним никакого соглашения о совместной опеке. Он то объявлялся, то на несколько лет исчезал. Иногда подкидывал какие-то деньги; мама ими не пользовалась, а клала на мой счет. Ей приходилось из кожи вон лезть, чтобы у нас был не пустой холодильник, и тем не менее она умудрялась давать мне *все*. Я жила, как в сказке. – Фарли улыбается, по ее щеке скатывается слеза. – Неудивительно, что я росла взбалмошной. Учителя меня ненавидели. Я ни минуты не сидела спокойно и всегда очень бурно выражала свои эмоции. Поэтому мама решила, что мне не помешает освоить язык глухонемых: руки будут заняты, я научусь сосредоточиваться и стану сдержаннее. Сдержаннее я не стала, но те уроки мне все равногодились. Как бы я хотела, чтобы вы, то есть ты и Хейзл, могли познакомиться с моей мамой! Она была такой... бесстрашной! Умной. И глупой. Сначала мы с ней вместе играли, а потом, когда во мне стали бушевать подростковые гормоны, вместе ревели из-за всякой ерунды. Говорят, невозможно быть другом собственному ребенку, так вот у моей

мамы это получилось. Я сделала бы все, что угодно, чтобы она мной гордилась. В день ее смерти я сняла все деньги с того счета и устроила великолепные похороны. Купила самый красивый гроб. И в тот момент, когда его опускали в землю, на крышку нагадила птица.

– Что? – переспрашиваю я, с трудом сдержавшись, чтобы не фыркнуть от неожиданности.

– Чертова птица нагадила на гроб моей матери. И я засмеялась. Худший момент моей жизни, когда все вокруг меня рушилось, стал чуточку менее тяжелым благодаря капле птичьего дерьма. – Фарли начинает неистово хохотать, вытирая слезы. – Священник не знал, что делать. Попытался вытереть помет и почему-то без конца бормотал извинения. А я чуть не писалась со смеху, потому что знала: мама сейчас тоже засмеялась бы. И знаешь, Майер? С тех пор я живу так, как живу. Во всем ищу смешное.

Глава 7

*«Тому, кто что-либо создает (неважно что),
опасно заботиться о мнении других людей».*

Кристен Уиг

Сейчас

Фарли

– Если я расскажу историю про дамочек из вашего родительского комитета, у тебя будут неприятности? – спрашиваю я Майера из-под маски гоблина.

Перед самым Хэллоуином Хейзл вдруг решила, что хочет нарядиться и собирать с соседей конфетную дань. Мы пришли в магазин, но выбирать уже не из чего – все разобрали.

Майер хмуро прикладывает к лицу маску печального щенка.

– Смотря что за история.

– Ну, та! Когда они пригласили меня на свою вечеринку.

– Не помню.

– Еще как помнишь. Это было нечто среднее между шоу «Девчонки идут в отрыв» и триллером «Судная ночь». Одна женщина обрызгала вышибалу грудным молоком, другая угодила в больницу, где ей наложили швы, а та, которая все время нудит про то, что детей в школе кормят недостаточно

здоровой пищей, сожрала мексиканского фастфуда на тридцать семь баксов.

– Ага, припоминаю.

Появляется Хейзл и, показывая нам белый парик и очки с круглыми толстыми стеклами, спрашивает:

– *Может, я оденусь старушкой? Они часто плохо слышат. Все будут мне что-то кричать и подумают, что, раз я не отвечаю, значит, «вжилась в роль».*

Девчонка соображает!

Майер снял щенячью маску и расплылся в мегаваттной улыбке, которую мне так редко удастся увидеть.

– *Отлично придумано!*

Хейзл опять куда-то убегает, а я уже забыла, о чем мы говорили до ее появления.

– Что касается встречи родительского комитета, – говорит Майер (*точно! вспомнила!*), – все зависит от того, собираешься ли ты выставить этих мамаш в невыгодном свете.

– Такой задачи у меня нет. Я считаю, что если женщины так отрываются, то это свидетельствует только об одном: в их жизни много стресса. Да и вообще, я от души повеселилась на той вечеринке. Я сразу раскусила, зачем меня на самом деле пригласили, – только затем, чтобы расспросить о тебе.

– То есть? – спрашивает Майер, возвращая щенячью маску на полку.

– Пф! – фыркаю я.

Он останавливается и смотрит на меня.

– Нет, правда. Зачем этим женщинам обо мне расспрашивать?

– Майер, ну ты же не можешь не понимать, что ты эффектный мужчина – одинокий отец с сексуальной грустинкой. Одна из мамаш спросила меня, не тройничок ли у нас с тобой и Мариссой.

– Врешь!

– Честное слово. Ну а когда я ответила, что мы просто друзья, каждая из этих дамочек тут же достала заранее составленный список женщин, с которыми можно тебя свести.

– Нет!

– Не переживай, я тебя прикрыла. Сказала, что давно тайне пылаю к тебе неразделенной страстной любовью, одновременно сладкой и горькой. Они сразу отстали.

Господи, Фи, какого черта ты это брякнула? Я неловко смеюсь под маской гоблина. Ужасно неудобная штука.

– Хм... – Майер откашливается. – Ну тогда... спасибо. Что касается твоего вопроса, то проблем у меня не будет, если ты удачно закруглишь шутку. Скажи, как сказала мне: про стресс, который матери постоянно испытывают, и все такое.

– Это можно.

– Вообще до сих пор ты не особо заботилась о том, чтобы никого не обидеть своим выступлением, – замечает Майер, склонив голову набок. – Просто лепила, что думаешь, а я знал: обязательно найдется кто-нибудь, кто поймет тебя неправильно, и кто-нибудь, кто поймет тебя правильно, но

ему это не понравится. Что теперь изменилось? Откуда вдруг такая осмотрительность?

Я пожимаю плечами.

— Конкретно в этой ситуации меня смутило то, что Кара тоже мать. А вообще... я готовлю новый номер и чувствую себя как-то... — Не люблю озвучивать свои тревоги. — Я чувствую себя как бы связанной. Свежий материал дается мне тяжело.

— Ну а что ты делаешь, чтобы он у тебя появился?

— Пока ничего особенного. С тех пор как мы подписали документы, прошло всего две недели, но... Ах, да ладно тебе, Майер! Разве обязательно применять логику, когда занимаешься ерундой?

Он смеется — низко, сочно, раскатисто.

— Может, и необязательно, но у меня есть логичное решение, которое имеет смысл попробовать.

— И какое же?

— Убить двух зайцев. — Не переставая брать товары с полок и класть их обратно, Майер объясняет: — В качестве репетиции наших фиктивных отношений мы могли бы действительно планировать и делать что-нибудь вместе. Такое, чего раньше не делали. Все это, конечно, будет довольно нелепо...

— Ты имеешь в виду, не для камер, а просто так?

— Да. По-моему, чем репетировать какие-то постановочные сцены, лучше на самом деле проводить некоторое вре-

меня вдвоем. Но не в привычном формате. То есть встречи не должны быть связаны с Хейзл или с работой, не должны происходить у тебя или у меня дома. Надо выйти из зоны комфорта. Это нас отвлечет, и тогда наши тренировки, я надеюсь, пойдут легче.

– Ага, – говорю я, шумно дыша.

Женись на мне, раз уж на то пошло. Давай я что-нибудь для тебя испеку, а ты придумай мне ласковое прозвище. Когда ты напряжен, я буду массировать твои большие ладони.

Майер опять смеется:

– Оказывается, в маске гоблина ты куда сговорчивее, чем обычно.

– Рада, что ты доволен, потому что я в ней, похоже, надолго. Она запуталась у меня в волосах, – говорю я, безуспешно пытаюсь высвободиться.

– Давай помогу.

– Попробуй.

Я поворачиваюсь к нему спиной и осторожно пячусь, пока мои лопатки не начинают ощущать тепло.

– Ой, да у тебя тут колтун...

Затаив дыхание, я чувствую, как он запускает пальцы мне в волосы и осторожно разделяет их. При этом он задевает у меня на шее какую-то точку, которая тут же приятно холодеет, будто прося нового прикосновения.

– Погоди... Сейчас я просто оторву эту штуковину.

Майер обходит меня, коснувшись моего уха бородой, и перегрызает шнурок маски.

— Ну вот, ты свободна, — тихо говорит он.

Его губы всего в нескольких дюймах от моего лица. Я могла бы повернуться к нему и провести дорожку по столбу его шеи: сверху вниз — поцелуями, а потом снизу вверх — языком. Могла бы обнять его и медленно, с нажимом, спуститься ладонью к тому карману джинсов, под которым скрывается задница не хуже, чем у Капитана Америка.

При вдохе он касается грудью моего плеча. Скосив глаза, я вижу: он тоже скользнул взглядом вниз по моей спине. Брови, как всегда, нахмурены. А губы почти что слишком красивые для мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.